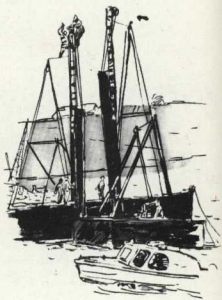

СМЕНА

20
1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Комсомола — шеф крупнейших новостроек большой химии, металлургии, энергетики, транспорта...

Наш корреспондент — художник М. Скобелев — побывал на трассе железной дороги Абакан — Тайшет. Там трудятся тысячи молодых добровольцев. Среди них — сибиряки и уральцы, посланцы Украины и Белоруссии, волжане и рязанцы... Руки этих ребят усмирят бурные реки, сносят непреступные горы, заставляя отступить глухую, непроходимую тайгу. Горе Бурлак, которую вы видите на рисунке, «повезло» больше других: ее оставят, вывез лишь сердцевину... Гонимель пробивают метростроители, недавно проложившие в столице линию метро до университета.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Октябрь, № 20, 1959 год.

Год
издания
36-й.

ГОД *больших начинаний*

К. МУРТАЗАЕВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ

Сорок два года исполнилось Советскому государству. Сорок два года назад впервые в истории человечества на развалинах старого мира, сметенного Великой Октябрьской социалистической революцией, возторжествовал новый общественный строй, и полновластным хозяином своей судьбы стал трудовой народ.

Какой гигантский путь прошла наша страна всего за четыре с лишним десятилетия! Какого невиданного экономического и культурного расцвета достигла она! Под мудрым водительством своей родной Коммунистической партии советские люди построили социализм и с огромным воодушевлением приступили к развернутому строительству коммунизма. Если героический труд народа в годы первых пятилеток предстает перед нами сейчас как незабываемая, величественная эпопея, то дела, которые совершаются в нашей стране сегодня, по своим масштабам, размаху и значению превосходят самую смелую, самую дерзновенную мечту.

Нынешнюю Октябрьскую годовщину наш народ ознаменовал успешным запуском второй и третьей космических ракет, созданием первого в мире атомного ледокола, который носит имя основателя Советского государства и Коммунистической партии Владимира Ильича Ленина.

Великому празднику трудящихся предшествовало одно из самых значительных событий в мировой политике нашего времени — договоренность об обмене визитами между Никитой Сергеевичем Хрущевым и президентом США Дуайтом Эйзенгауэром.

Внимание всех народов мира было приковано к поездке главы Советского государства в Соединенные Штаты Америки. Мировлюбивые американцы, которые составляют подавляющее большинство населения США, с исключительной теплотой и сердечностью встречали высокого гостя, приехавшего в их страну с миссией доброй воли, с благородным стремлением ослабить международную напряженность и отвести от человечества угрозу третьей мировой войны.

Да, на редкость богат знаменательными событиями канун Октябрьской годовщины! Никогда еще не разгоралось так ярко пламя социалистического соревнования, как в эти предпраздничные дни. Никогда не проявлялась так щедро творческая инициатива народа. Решения XXI съезда партии и ноябрьского

Ветеран Советских Военно-Воздушных Сил Федор Михайлович Силантьев в Музее революции рассказывает учащимся 10-го класса 304-й школы Москвы о боевых эпизодах гражданской войны.

Фото Г. Дубинского.

Пленум ЦК КПСС стали знаменем борьбы за выполнение и перевыполнение семилетнего плана. И в первых рядах труженников семилетки идет молодежь, славный Ленинский комсомол, 41-ю годовщину которого мы отмечаем 29 октября.

Нет такого уголка в нашей необъятной стране, где бы молодыми руками не возводились новые корпуса фабрик и заводов, где бы молодежь не строила железные и шоссейные дороги и не вела настойчивой борьбы за высокие урожаи на колхозных и совхозных полях, за дальнейший подъем сельского хозяйства. Комсомольцы и молодежь села ознаменовали предстоящий Пленум ЦК КПСС успешным завершением уборочной работы, новыми достижениями в области развития общественного животноводства.

Сравнительно немного времени прошло после XXI съезда КПСС, но какую большую работу провели комсомольские организации! С энтузиазмом и небывалым воодушевлением борются они за выполнение тех грандиозных задач, которые Коммунистическая партия поставила перед страной в исторически ролевых съездах. Уже вступили в число действующих предприятий многие из ударных комсомольских строек. Уже дают металл Родные сооруженные молодежью доменная и мартеновская печи, уже работают на полную мощность семь комсомольских проектных станций. С помощью комсомольцев построено и электрифицировано 300 километров железнодорожных путей, проложено 800 километров газо- и нефтепроводов. Посланы Ленинского комсомола помогли строить Братской ГЭС в рекордные сроки перекрывать Ангару. Только в этом году на новостройки семилетки приехали десятки тысяч юношей и девушек по комсомольским путевкам. Молодежь успешно осваивает природные богатства Сибири, Севера, Дальнего Востока и Казахстана.

Многие патристические начинания родились в молодежных коллективах за один только год! По инициативе молодых рабочих дед Москва-Сортировочная в стране широко развернулось патристическое движение бригад и ударников коммунистического труда, родились олимпиады и конкурсы коммунистического соревнования. Горно подвигам благодарный почин молодежи предшествовали Валентина Гагановой, чей замечательный пример зажг сердца миллионов советских юношей и девушек. По предложению комсомольца Михаила Ромашова на предприятиях коммунистического соревнования — повсюду активисты молодежи в борьбе за технический прогресс и освоение передовой техники.

Все шире распространяется почин комсомольцев, решивших личным примером увлечь молодежь на борьбу за повышение общеобразовательного и технического уровня каждого молодого рабочего, инженера и техника.

Этому вопросу был посвящен состоявшийся недавно пленум ЦК ВЛКСМ. Каждый комсомолец, каждый молодой патриот должен спросить себя, все ли он сделал для того, чтобы реализовать пленуму с массовым походом комсомола за дальнейшее рост культурно-технического и общеобразовательного уровня молодежи воплотились в конкретные дела. Многие уже в этом отношении сделано. Но впереди еще непочатый край работы — нужной, трудной, завывающей.

Не перечислять всех интересных и полезных начинаний, инициаторами которых выступили комсомольцы, начинаний, которыми Ленинский комсомол порадовал свою любимую Родину за время между 41-й и 42-й годовщинами Октября.

Любое дело по плечу комсомолу, и он готов к новым трудовым подвигам, потому что нет большего счастья для советской молодежи, чем служение народу. И нет для нас ничего дороже и родней, чем Коммунистическая партия, под руководством которой Советская страна победной поступью идет к полной победе коммунизма.

Ленинград... С детства привыкли мы связывать с именем этого великого города славные традиции и большие начинания. И не случайно, стремясь досрочно выполнить семилетний план, ленинградские комсомольцы первыми бросили клич: «Семилетка — в пять лет!» Это они первыми предложили создать технические комплексные планы повышения производительности труда для всех молодых рабочих. Эти планы стали четкой боевой программой борьбы за технический прогресс.

Сегодня мы рассказываем о молодых строителях атомного реактора «Ленин», Члены Бригады коммунистического труда Владимир Рыжиков, Раймонд Эвелит, Иван Лукин и другие внимательно изучили особенности своей работы, смогли лучше организовать труд, повысили свою квалификацию и уровень технических знаний, а главное, намного увеличили производительность труда.

В очере названы имена всего лишь нескольких молодых энтузиастов, но таких, как они, в Ленинграде тысячи! И с каждым днем новые отряды молодежи нашей необъятной страны подхватывают почин ленинградцев.

...Стоит только очень захотеть, и можно схватить время в кулак и сжать его. Только для этого нужно, чтобы были сильные руки.

Раймонд Эвелит имел сильные руки, но этого оказалось мало. Он окончил ленинградское ремесленное училище на пятерки. Круглым отличником присваивался пятый разряд. А завод, где он целый год проходил практику, завод, куда направлял его лучших товарищей, завод, строящий такие необыкновенные корабли, не хотел принимать Раймонда Эвелита слесарем пятого разряда.

— Идите на любое другое предприятие, — говорили ему в отделе кадров. — Там очень нужны слесари...

— На другое не пойду...

— У нас же производсто сложное! — убеждали его. — Вам придется работать по четвертому разряду, а какой смысл терять

«ЛЕНИН» ВЫХОДИТ В МОРЕ

в месяц почти 200 рублей? Идите-ка на другой завод. Вот адрес...

А друзья, за которых в огонь и в воду? А бригадир Володя Рыжиков? А корабль, огромные-огромные?

Уйти — и потянется время еле-еле, а может быть, и совсем остановится. Ведь когда порывешь с любимым делом, с дорогими людьми, время прекращает свой бег.

— Нет, не пойду!
И настала все-таки на своем!
Да, мало иметь сильные руки. Чтоб командовать временем, нужна еще и воля.

— Котельная установка атомохода должна войти в строй первой, — поканившая на ветер, говорил Рыжиков. — Без нее вести работы дальше нельзя. Ясно? Нашей бригаде поручено ее монтировать. Скоро должны дать пар. Ясно? Сначала все вместе изучили чертежи и сделали разметку. Посмотрелись со старшим технологом и решили ставить котлы агрегатным методом.

— Дело это новое, — предупредил старший технолог. — Мы применяем агрегатный метод впервые в Союзе. Надо работать по-умному...

— У нас в бригаде все головастики! — отпарировал Рыжиков.

Вечером устроили совещание.
— Знаете, как работают на всех кораблях? — горячился Рыжиков, сдвинув шапку на затылок. — Нет? Слушайте! Монтируют установку четыре или пять бригад. Приходят вначале одна — ставят на фундаменте котлы. Потом вторая — прокладывает магистрали, и т.д. ...

— Володя, мы все это знаем!
Рыжиков еще дальше сдвинул шапку. Она встала почти вертикально.

На Адмиралтейском заводе.

Рисунг В. Шистно

— Так вот, есть идея: одной бригадой начать и закончить монтаж. А потом самим провести швартовые испытания. Ну?

— Да-а... усомнились ребята.— Четыре — пять бригад — это, значит, человек двадцать, а нас только пять... А сроки?

— Сроки остаются те же.

— Да-а... Старший технолог Ефим Исач Рубашкин тоже сказал «да-а...» и уставился сквозь очки на Рыжикова.

— А сроки?

— Беремся поднять пары на месяц раньше! Рубашкин проулыбал это мимо ушей: «Молодые, запальчивые. Подумавай, промолвил:

— Я не против, только учтите, Рыжиков: комплекс весьма сложный. Сплошная автоматизация, новые приборы, уникальные установки. Многие придется осваивать. То ли вы будете учиться, то ли работать? А? Рыжиков?

Отвечал Раймонд:

— И то и другое. Говорят же люди: век работай, век учись.

...

Чтоб сжать в кулак время, нужно иметь крепкие руки, сильную волю и любить свое дело. Член комитета комсомола Раймонд Эзелит знал это давно. Но этого оказалось теперь недостаточно.

Чтоб властвовать над временем сразу несколькими людьми, необходимо что-то еще. Но что? Прямая линия действий и организованность каждого. План!

— Михаил, ты знаешь, что такое комплексный план?

— Это норма, проценты там всякие,— выло ответил Никитин.

— Нет, это когда все продумано надолго. Когда учтено все, понимаешь, до мелочи.

Всей бригадой стали продумывать «мелочи». Что самое трудоемкое? Монтаж трубопроводов. Разметить по чертежам, надрезать и проложить 1500 метров различных труб, трубочек, трубин, установить полтысячи клапанов и другой арматуры — короче говоря, опутать котельную паутинной трубопроводов и провести магистрали в другие помещения корабля. Да, это, пожалуй, самое трудное!

Рыжиков предложил: он снимает шаблоны, Раймонд и Никитин по шаблонам изготавливают трубы, Рабенков и Лукин монтируют. Иными словами, создают поток.

Второе. Чтобы по мелочам не прогадать к помощи электросварщиков и газорезчиков, научиться сварным и газорезным работам. Эту премудрость осваивает Никитину и Рабенкову (учится вечерами, после работы).

Третье. Чтобы не бегать в рабочее время за инструментом и заготовками (от корабля до цеха пятнадцать минут ходьбы), продумывать и получать все необходимое на неделю вперед.

Далее. При монтаже широко использовать макеты.

— А что такое макет? — спросил ребята.

— Ну, допустим, какой-то узел не поступил еще на участок. Без него монтаж вести невозможно; тогда точно по чертежам изготовляем макетную деталь, временно ставим ее и ведем монтаж дальше.

Потом пришлось снова идти к Рубашкину: самим трудно сообразить все.

Рубашкин выслушал.

— Организацию труда в бригаде продумавай. Хорошо! Теперь надо,— и Рубашкин стал загибать пальцы,— поразмыслить об усовершенствовании конструкций, экономии материалов, ускорения себестоимости, о повышении квалификации и технических знаний. Между прочим, без двух последних пунктов весь план ваш — зима!

В техническую библиотеку записались всей бригадой: на один формуляр много книг не получишь. Скопировали и на корабле библиотеку. На страницах оставались следы. Книги темнели от мазута, масла, металлической пыли. Замазанным книгу всегда жалко. А эти вот вымывали не жалость, а уважение. Почему? Книги работали! Добросовестно, как равные члены бригады.

Время все-таки схватили в кулак. Оно по-прежнему стало укладываться в плотные рамки. Бригада работала, как четкий, налаженный

Фото Ю. Шалямова.

Перед отплытием ледокола приятно еще раз взглянуть на дело рук своих. В этот день Раймонд Эзелит пришел на работу раньше всех.

механизм. Владимир Рыжиков все время твердил:

— Прежде чем работать руками, пусть голова поработает. Тогда и руки умнее станут. А у нас, у судомонтажников, глупые руки хуже всего. Вот, например, по чертежу рычаг надеть этот рычаг коцерагов.— Говорит и пытливо ищет глазами, шупает, где бы поудобнее поставить рычаг.— Конструкторы, которые знают, что у монтажников руки умные, так и указывают в примечаниях: «При монтаже исходить из условий, сообразуясь с расположением всего оборудования. Понимаете? Сообра-зу-яс!» Значит, думать надо!

За процентами не гнались, а нормы выработки перекрывали на треть. В соревновании среди комсомольско-молодежных бригад заняли первое место. Рыжикова наградили именными часами и денежной премией. «Душа» бригады Раймонд Эзелит получил почетную грамоту и настольные часы.

Но неспокойной была эта «душа»:

— Семилетку вы в пять лет выполните!

Чем мы хуже других? Завод имеет семилетний план, и цех имеет — значит, и мы имеем.

Старший технолог Рубашкин сделал расчеты, собрал бригаду, сказал:

— Месичное задание на каждого члена бригады — двести нормочасов. На всю бригаду — двести множим на пять, стало быть, тысяча... А вы вот уже который месяц выработываете тысячу триста. На семилетку ваше задание — семидесят тысяч. Значит, за пять лет, если не будете снижать темпы... Выполните! Даже меньше, чем за пять. Только и вперед надо так же жить и работать.

...

Атомный ледокол «Ленин» отправился на ходовые испытания. На борту ледокола вместе с командой — члены бригады коммунистического труда Владимира Рыжикова: Раймонд Эзелит, Анатолий Лукин, Михаил Никитин, Василий Рабенков и Александр Владимиров. Они помогают морякам постичь «характер» своего детища...

В. КРИВОШЕЕВ

ПЕСНИКА БАТОРА

Рассказ

В узкой долине, набитой сизым холодным туманом, звуки словно уехали в воздухе. Казалось, лошади ступали не по скрипящей гальке, а по песку. В двух—трех метрах от тропы протекала река, но шума ее мы не слышали. Не было слышно и грохота камня, скользящего с крутой выветренной скалы. Камни внезапно подпрыгивали лошадям под ноги, и лошади испуганно аскарывались, сбиваясь с шага. Где-то наверху утрю перешло в день и сизого голубое небо. Нас же обволакивала мутная пыльница.

Наверху тропа вышла наверх. С трудом осилив крутой подъем, мы выбрались из тумана. В глаза ударило ослепительное солнце. Голова закружилась от высоты и свежего, чистого воздуха.

Горный Алтай... Знаменитые Чуйские Белки... Я часто слышал, что горы сравнивают с морем. «Что между ними общего?» — недоверчиво пожимал я плечами. Но теперь перед нами было именно море. Каменные гряды, как волны, накатывались одна на другую в беззвучной удали. Темные, почти черные на горизонте, ближе они становились синими, вспыхивали белыми кружевами пены там, где искрились ледники, а еще ближе — изумрудно-зелеными.

И они были в движении! Нагретый солнцем колеблющийся воздух оживлял их, создавая иллюзию стремительного наплыва многоцветных валов.

Но не в одном состоянии дел. Я вдруг понял, почему море и горы считают родственными стихиями. Где, как не на море, рождается мушкетерская и вселенная отага? То же слышавший в горах. Хочется помериться силами со стихией, сами собой напряживаются мускулы, взгляд становится острее и тверже...

Мы продвигались по высокому плато. Молодые ленте тумана вдали, в долине, в долине, лежала теперь где-то под нами. Младший научный сотрудник Коста Заичев, смуглый красивый парень, сохранивший военную выправку, скинул с плеч оттаивший сырой ватник. — Заичев! — сам себе крикнул Коста, карантином подбоченясь в седле, в нашем маленьком отряде он был запевалой. Но на этот раз Костю опередил проводник Айскал — сухонький и морщинистый, как ствол диного абрикоза, но еще крепкий старик-алтаец. От многолетней привычки к седлу он был кривоног, и где-нибудь на унице горло казалось бы неуклюжим. В горах же Айскал преобретался.

Раскисавшая в седле, он залеп тоненьким, как у подростка, слегка дребезжащим голозом. Песня лилась плавно и иногда замедляла на долгой, протяжной ноте. Костя, любивший песни веселые, полноточные, вздохнул и принялся на ходу что-то вычерчивать на планшетке.

Один Яковчук, старожил Алтай, понимал русский язык Айскала. Он стал переводить. Старик шел от наком-то богатыре, освободившем от врагов горы. Богатыри были отважны, как снежный барс и мудр, как седой орел. Он пришел на помощь ойратам в самую трудную для них пору, когда жить под иггом князьков и баев стало совсем невозможным. Его отцом был ветер, а матерью — живая вода. Когда враги были порублены, богатыри хотели вернуться к родителям, но горы не отпустили. Каждый алтаец хранит образ богатыря в своем сердце. Когда лютинки поднимаются на высоту, высочайший русский рыцарь, они дают знать богатырю, что помнят и любят его по-прежнему.

Айскал вдруг вскинул ружье и в обоих стволах выстрелил в воздух. Звонкое эхо подхватило и тысячекратно повторило звук выстрелов. Лошадки затрясывали под нами. Костя поглядел на Айскала, перепаркивавшего ружье, и с удивлением заметил:

— Номер из репертура наших предшущих. Недого ехали мы по высокому плато. Снова

пришлось спускаться по крутой тропе в устье, натянуть фуражку и задыхаться в сырмом тумане. В полдень сделали привал: лошади спотыкались от усталости.

Развонки лошадей и подкрепившись мясными консервами, мы склонились над картой. Айскал был хорошим проводником, но карта, составленная с помощью аэрофотосъемки, надежнее человеческой памяти. Айскал не обижался, когда мы выверляли маршрут по карте. И сейчас он сел в сторонке на камень и закурил короткую трубку. А мы заспорили: Коста предложил сначала же начать штурм Большого хребта, чтобы к заходу солнца подняться на седловину. Осторожный, но все медлительный Яковчук возражал: ночевка на седловине невозможна: там нет ни топлива для костра, ни ни воды и Айскал подтверждает, что начинать и опаснее подъема; за ночь нужно хорошо отдохнуть.

Последнее слово оставалось за Айскалом. — Можно значовать наверху? — спросил Коста.

Айскал вынул изо рта трубку, отрицательно покачал головой.

Коста с досадой махнул рукой. Его жест можно было перевести так: «Бабы вы, боесты!» Всем было понятно желание Косты сэкономить время даже на этом труднейшем участке пути: мы спешили в Уган, потому что друзья-монголы сообщили о вспышке эпидемии в горных овечьих стаях, и нашей биологической экспедиции дали задание пресечь ее. Но не все и Айскал подтверждает, что начинать в ночь восхождение безрасудно, — начинать не подешался.

Расстелив плащ-палатку и сунув под голову ватник, Коста уснул. Пригласи отдохнуть и мы. Только Айскал бодраствовал, то вставая, чтобы посмотреть пути на лошадей, то снова прижимаясь на облобовавшийся им плоский камень.

— Я дремал. Очнулся оттого, что Айскал тряс

меня за плечо.

— Вы слыш, поговорить надо, — шепнул он.

Мы отпустили в сторону шаг на двадцать.

— Ступай, мальчишка, — начал Айскал, захватив в горсть свою жидкую седую бороду: — Ты знаешь: овцы для яртов — самое большое богатство. Стара погибнет — араг плачет, и ярты и государство Большого убьют. Отсюда вильно думает: нам быстро-быстро добыть надо... Айскал указал коричневым пальцем на разметавшую во сне Костю. — Можно через Большой хребет сегодня перевалить!

Я устоял на Айскале, недоумевая. Он только и поддвигал план Коста. Старик хитро улыбнулся, отчего лицо его, словно печеное яблоко, покрывшись множеством морщинок, а глаза превратились в узкие щели.

— Чувать наверху нельзя: лошади станут без сил ветер поднимать. Что делать будем? — продолжал он. — Горчача голова маленько обшлелась. Другой путь есть!

Айскал подал мне бинокль и указал на почти отвесную каменную стену в сторону от тропы. — Вы слыш, гурты. Сморгти, вот Костя-Агач. Он тутнул планку в точку, обозначившую небольшое горное селение по ту сторону хребта. — Совсем близко. Там колхозные кони очень хорошие, через день в Уган привезут... Старик хлопнул ладонью по карте и коротко досказал: — До Костя-Агача отсюда пешком пойдешь. Лошадки на Айскала оставших. Двое суток сберезешь. Я сказал. Решай.

Старик вытиснул из складок своего широкого пояса трубку, набил ее табакосом и раскурил. Я вольнолично потер ладонью лоб. — Сэкономить двое суток драгоценного времени — это было бы замечательно! Но заетя Айскала безумия: мы не альпинисты, и нет у нас специального снаряжения для подъема на

кручи. Кроме того, иди придется не налегла, а наполнить ведемше мешки. Я представляю не мог ползти и пожилого Яковчука или близника Вишенку в роли скалолазов. Но Айскал, конечно, обдумал свое предложение.

— Как можно это сделать, Айскал! — спросил я.

Коричневое морщинистое лицо старика стало торжественным. Он выпрямился и провел рукой по поясу, как бы разглаживая складки стеганого халата.

— Поминши, я план о баторе? — спросил он и вынутую рукой указал на каменную стену. Когда нужно было слести стариков, женщин и детей в Кош-Агаче, он сам барс, перепрыгнув горы там!

Я молчал. Чего не сочинял старик у ночных костров! Тратившая на пустой разговор, а скоро двигаться в путь.

— Слушай, мальчишка, я расскажу, как это было... зволованию и громко проговорил Айскал, ухватив меня за рукав куртки: — Может, из тех, кто был тогда с нами, я один живу по земле. Не гляди на меня так, я тогда был молодой и сильный. Отними половину того, что я прожил, — вот какой я был! Айскала все знал: лихой был наездник — коня только нет; динк из мог бы срезать без промаха — ружья нет. Баджи был Айскал, чуужев овце пас. Семью не мог завести — сам голодный ходил... Вот почему Айскал за батором пошел!

Старик провел ладонью по лицу, как бы отгоняя все воспоминания на пустой разговор, а

— Думаешь, я скажу пел, да? Ты ученый человек, знаешь, кто вопольну жизнь нам подари. А о нашем баторе я тебе расскажу...

— Айскал перевел дух и быстро продолжал: — Он у нас обхавился совсем как в сказке. Говорили, что царя его на стражнику катугу сослал, туда, где под землей железо копают. Его там цепями к скале приковали. Но разве удержишь батора цепями!

«Я первый его увидел. Как сейчас, а на горе стою, а в сердце мне проноит, — злого хозяина. Он подошел. Я очень испугался: раньше неизвестного человека встретить куда было. А этот человек кого чохом мог испугать: худой, оборванный, а глаза острые, как ножи. Подойдя ко мне, взял за плечо, спросил: припалко: «Ты свой?» — тогда по-русски плохо знала, ничего не ответил. Он на овцу указал: «Тюши! иНет», — помолат я головой, — не мои». Замельавсь незнакомец и подал мне руку: «Значит, я не ошибся — братки мы с тобой...»

Как он в сердце мне проноит, сам не знаю... Нескольдо дней со мной проноит; я барана залезть тайком, теллий халат ему отдал. Он свон лозалось смег, толсто рубашку оставил: странная такая рубашка — одна полоса белая, другая синяя. Никогда с ней не расставался...

Он очнулся в седле, спросил: а седламе, сморть страшно. Но в сердце сиза болыша. Однажды ночью сидели мы у костра, он спросил: «Айскал, у тебя есть верные товарищи? Самым храбрым беднякам передавай: пусть придут. Слово их скажут хону». Я сидел, сморть в з пердал. Человек дескто пришло из села. Боятся незнакомого русского, сели кучкой. Он усмехнулся, вынул нож из-за пояса у одного пастуха, попробовал пальцем: «Хороший, острый. С таким кожом бояться! Его вазшему князьку повалят — помет со страву!»

Никогда мы не слышали таких слов, как в ту ночь! Он точно в прозрачный руней глядел: всю горскую правду о нашей жизни сказал. А потом встал, раскисав на груди халат, так, что пожелтевшие пальцы встали в видна, и спросил: «Будете ли еще смеяться, дрались, как наши братья — русские? Эти горы ваши, а не князьков и баев!»

Мы уже поняли, что с нами говорит большой батор, и мы отвели ему: «Дел!»

Рисунок Е. Шукаева.

На другое утро он ушел. Я не знал куда. Нам он велел готовить оружие. Много дней мастерили мы пики, ковали ножи, а батора все нет. Мы уже думали, не вернется. Но он вернулся, и не один. Сотня храбрых всадников с ним. «Пошли!» — сказал нам батор, и мы тоже взяли байских коней и ушли с его отрядом, побросав отары на пастбищах...

Айскал на минуту замолк, должно быть, устал: очень уж горячо и быстро рассказывал. Я с беспокойством взглянул вверх: солнце заметно переместилось на небе, тени на земле сдвинулись к востоку. Пожаруй, пора и лошадей вычитать...

— Мы ходили с батором лето, зиму и еще лето. Мы отбивали у богатых отары и раздавали их беднякам. Мы наказывали жестоких и несправедливых. Мы были неупокойми. Но редко видели мы батора довольным. Часто он поднимался на какую-нибудь высокую гору и подолгу глядел в ту сторону, куда склоняется под вечер солнце. Вот так он стоял, глядя! — Айскал чуть расставил ноги, выпрямился и приложил ладонь козырьком ко лбу. — Иногда ночью у костра батор пел нам о своей матери — синей живой воде, что обнимается с небом. В такую ночь никто не смел потретьжить его, все отходило в сторону, даже лошади переставали жевать. Все знали: если батор с вечера пел, утром он поведет нас в новую битву. И мы точили клинки и проверяли винтовки.

Когда прогнали царя, — быстро и горячо продолжал Айскал, — наш батор словно расправил крылья. О, теперь он всегда был весел! Он хотел уехать от нас — он говорил нам об этом, — но мы упростили его остаться. В горах началось настоящее войско. К нам шли и шли люди. Нам было уже не сто человек, а много-много! И батор остался с нами. Зачем рассказывать, как мы воевали! Ты сам знаешь. Мы уже не были темными пастухами. Мы узнали, что на свете есть Ленин! Батор объяснил нам, кто такое большевик. И мы сражались под красным знаменем!

Но однажды произошло что-то чуждое. Проклятые волки, почуявшие, что конец их близок, согнади в Кош-Агач женщин, стариков и детей на расправу. Так нам хотели загнать нас!

Мы были далеко. Но батор отдал приказ лететь в Кош-Агач. Да, мы на шли, а летели! Наши кони, казалось, не знали усталости. За двое суток мы прошли столько, сколько в другое время не смогли бы пройти за неделю. Батор торопил. «Полный вперед! — командовал он. — Самый полный!» Он часто говорил непомято: «Право руля!» или «Так держать!» Но мы привыкли и понимали. И сейчас мы неслись в Кош-Агач «самым полным»...

На этом перевале, — Айскал указал рукой, — нас встретили байские пулеметы. Мы не смогли подняться. Мы грызли от отчаяния землю, поливали камни кровью, но перевал оставался неприступным.

И тогда батор командовал: «Стоп!» Айскал с загоревшимися глазами поднял руку, и голос его прозвучал, как удар по железу. Да, можно было не сомневаться, что в молодости он был удалым и храбрым! Я невольно залюбовался его сухонькой, невысокой фигурой, не согбенной годами. Кто-то кашлянул. Я оглянулся и увидел, что все наши — Костя, Яковчук, Вишняка, зоотевник Каримов — слушают Айскала. Их подняло переместившееся на небе солнце.

— «Мы перепрыгнем хребет тут!» — Батор указал на эту стену, когда разведчики не нашли другого пути, — продолжал Айскал в полной тишине. — «Даже тур не забредает по ней!» — ответили мы. Тогда батор сикнул с себя все, кроме полосатой рубашки, обмотался длинной веревкой, связанной из посов, взял два штыка и приказал наблюдать за ним.

Мы лежали, держа оружие наготове, и смотрели. Батор стал подниматься, вытаскивая штыки в трещины между камней и подтаскивая их на руки. Он, как кошка, цеплялся за каждый выступ. Десять и еще дважды по десяти раз закрывали мы глаза, ожидая, что он рухнет вниз. Он забирался два, а может быть, пять часов. Мы видели, как неверно он упал и долго не мог встать, обессилевший. Но потом он закрепил связанные пояса и соскользнул по ним вниз.

«Видели!» — спросил он, и мы ответили: «Да».

Но то, что под силу батору, не под силу

простым пастухам. И батор сказал: «Пусть выйдут вперед самые смелые, самые ловкие и сильные. Я поведу их. Эта стена очень стара. Мы сделаем лестницу, вынимая из стены камни. Тогда поднимутся все».

И мы сделали лестницу! Ты увидишь ее. Чего не совершит человек, воздвигая великим примером! Мы перепрыгнули через хребет и освободили тех, кто ожидал смерти в Кош-Агаче. И не один из врагов не укрылся от нашей мести!

Айскал замолчал, неторопливо достал кисть, набил трубку.

— Ты думаешь, ваша лестница сохранилась? — с чуть заметной усмешкой спросил Яковчук.

Старик поднял голову, и в глазах его вспыхнули искорки гнева.

— То, что мы рассказали, весьма любопытно, — кашлянув, промолвил кругленький, страдающий одышкой Вишняка.

А у Кости бстелили глаза. Он и не подозревал, что маленький кривноногий Айскал — герой!

— Айскал, — спросил он взволнованно, — а как выглядел ваш батор? Он был могучий, выходящийся человек?

Старик важно кивнул.

— Да. — Он вынул изо рта трубку. — Наш батор был, как скала: когда вставал во весь рост, далеко видел округу; когда сжимал в руке камень, он рассыпался; когда встраивал голову, облака, как белые птицы, взлетали к солнцу!

Посовещавшись, мы решили сделать крюк и осмотреть «лестницу батора». Это не займет много времени. Если лестница действительно существует, Костя, Каримов и я попытаемся подняться по ней, захватив с собой часть необходимых медицинских препаратов. Айскал же, Яковчук и Вишняка пойдут прежним маршрутом.

Ламанная, почти отвесно выдвигавшаяся стена выросла перед нами. Черные трещины, как следы от ударов молнии; выступы бурокрасного гранита с острыми, точно лезвия, гранями; клочки какой-то бледной жесткой травы в расщелинах... Я начал сомневаться

в достоверности рассказа Айскала. Даже Коста безнадёжно вздохнул.

Но старик уверенно трясся на своей лошадке впереди отряда. Он не разговаривал с нами, не оборачивался. Впервые за сорок лет довелось ему посетить ледяные места. Мы тоже ехали молча. Даже скептически усмехавшись всю дорогу Яковчук вдруг проникся торжественной строгостью.

— Здесь, — натянув поводья, проговорил Айскал и стащил с головы шапку.

Отряд, тянувшийся гуськом, сбился в кучу. Мы увидели «лестницу батара».

От вершины и подножия наисосис, как морщина на плото натнутой парусины, стену пересекала каменная складка, образованная, видимо, каким-то геологическим процессом. Она имела в ширину не более тридцати — сорока сантиметров. Ниже и выше ее камень был слоен и гладок. На rubble, пологом на старший шрам от саблевого удара, росли осины. Глыбки неровные алмаз, точно ослимы. Уже в десяти — пятнадцати метрах от земли они сливались и исчезали...

Мы смотрели молча, с чувством восхищения и изумления. Айскал, должно быть, забыл за четыре десятилетия, какой безымянной отаги и великого мужества стоил подъем на кручу по этой «лестнице!» Такое под силу только людям, одержимым страстной ненавистью к врагу. Нечего было и думать о повторении подвига.

Я живо представил себе картину: вся над пропастью на ненадежной веревке, несколько смелчачков долбят штыками вековые глыбы гранита... А командир отряда, жгущего телосложения моряк в теплых, подымающих на непреступную стену, с жесткой, непоколебимой уверенностью отдает короткие приказания.

Тишину нарушил голос Вишени:

— Вы помните фамилию батара?

Старик покачал головой.

— Мы знали его просто Василий...

— Да, такой путь для подвига мог избрать только моряк! — задумчиво проговорил Коста, смерив взглядом расстояние от подножия стены к вершине.

И Айскал уже понял, что «лестница батара» в воспоминаниях представлялась ему более удобной и безопасной. Он подождал, пока дошли шапку и повернул коня в обратный путь.

Но мы снова получили заряд энергии и отаги. Всегда следящий, спокойный, Яковчук вдруг засмеялся какой-то мотив. Потом он подстегнул лошадь и повалился с Айскалом.

— А что, старина, — проговорил он вызывающе, — попытаем счастья на перевале?

— Коня стагнут... Ветер поднимается... — глухо проормотал проводник.

— Ну почему обязательно ветер! Небо чистое. И лошадки не такие уж и нас заморенные, — сказал Яковчук и взмахнул ремешком плеткой.

Коста, прискочив в седле, ликующе ринулся вперед...

...С перевала в снова увидел безмолвно шумящее, безбрежное море, теперь окрашенное рдяными красками заката. Волны уступов катились величественно и спокойно. И я будто слышал в тишине гул прибоя и ощущал на лице соленые, свежие брызги...

Возвращаясь из экспедиции, мы несколько дней провели в Горно-Алтайске.

В краеведческом музее с одного из стендов, посвященных гражданской войне, на меня вдруг глянула маленькая пожелтевшая фотография моряка. Совсем еще юноша, с чистым, открытым лицом и ясными, светлыми глазами. В жизни это, наверное, был худощавый, невзрослый и не особенно сильный физически человек... Подпись под фотографией — всего несколько слов:

«Балтийский матрос Василий, посланный в 1916 году на каторгу за участие в революционной работе. Бежав с каторги, возглавил партизанский отряд, проявил героизм и мужество в борьбе за установление Советской власти на Алтае. Погиб в бою осенью 1919 года».

Фамилия батара осталась неизвестной...

«ОДИН ПЛЮС ДВА» — НА ЗАВОДЫ!

— А ты посмотри, как я это делаю... — Нина нетерпеливо понаизвает, как надо правильно заточить резец, как быстрее вести обломки отливочных деталей.

Вали внимательно смотрит, старается уловить каждое движение девушки. Вот уже, кажется, поняла, в чем секрет, теперь должно получиться. Но стоит взяться самой — и уверенность пропадает. Нина словно чувствует это, подходит и поправит. Снова берет резец. Снова показывает...

Стропная девочка в синем рабочем халате. Но для Вали Илларионовой и Ларисы Лисиной эта девочка — первый друг, строгий учитель.

Десятилетия, техническое училище, а потом механический цех завода имени Воробьева, Нина Потапова хорошо помнит первые трудные дни. Когда-то неумела, растерянная станочница, теперь тонкая плеточница разряда. Если ей поручают обработать за смену пятьдесят деталей, девушка успевает сдать восемьдесят, а то и все сто. И на качество никто не пожалуется: комсомолка держит свою производственную марку высоко.

А у Ларисы и Вали еще не все гладко. Недавно встали они к станкам — нет силы в руках, а главное, уверенности мало. Вот и свихнут их три процента воверх,

ГОЛОС

Шестьдесят

то вниз, огорчая самих девчат и товарищей по участку.

«Один плюс два» — задумалась Нина, прочитав в газете об инициативе иркутских спортсменок. Член цехового бюро и заводского комитета ВЛКСМ, она любит спорт и ирредуно выступила заводской среди молодежи.

«Кто сказал, что не хочет идти в поход!» — часто звенит голос девушки.

Нина убеждает парней и девчат, как это здорово — катер и ночевка в лесу, пахнущая дыном уха и веселая туристская жизнь. Против танго на устоях — мелодичность находится, и поход обязательно состоится. Увидет Потапова найти тропку и чуюному сердцу...

«Один плюс два» «Хорошо» — соглашается Нина, но думает на этот раз не о спорте.

«А что, если взять шефство над Ларисой и Валеет? Чтобы у них, как у меня, найдло задание — на 100 процентов. Это и будет мой «один плюс два!»

Инициативу комсомолки Нины Потаповой поддержали Лав Константинов, Валентин Чистобаев, Георгий Нахичев, Юра Красков. Лучшие рабочие взяли шефство над новичками, чтобы открыть «секреты производства» вчерашним десятиклассникам Славе Юлчиному и Геннадии Левачеву, помочь Валерию Макарову воспитать волю и дисциплинированность, научить Сашу Борисова смеяться за десятки процентов выработки. Все, что знают и умеют, они с готовностью передают друзьям, действуя по принципу: «Сегодня в передовках мду я, но завтра вместе со мной полудят еще два товарища».

В. ЕРМОШИН

г. Горький.

Фото В. Сакка.

«НА ВЫСШЕМ

Ударники

Комсомольская инициатива — важная движущая сила семилетки, способная творить чудеса.

Читай материалы этого номера, подумай: все ли ты сделал для коллектива, для Родины!

ШТАБ ТВОРЧЕСКИХ ДЕЛ

Штабом творческих дел назвали комиссию заводского комсомола, созданную специально группой комсомольцев при комитете ВЛКСМ. В нее вошли сорол лучших молодых производственников. «Не оставлять без внимания ни одного рационализаторского предложения, стремиться быстрее внедрить их в производство!» — вот лозунг, который избрала комиссия. Более двадцати ценных предложений, одобренных заводскими техническими советом, но уже более года лежащих без движения, обработали они в БТИЗ. Так, около полтора лет «маринувалось» предложение слесаря-сборщика Алексея Попова. А теперь рекомендовано немедленно устранить трудоемкую ручную работу в штампах и повысить производительность труда в два раза!

Комсомольцы возмущены этим фактом. На всех предпринятых идет упорная борьба за выполнение решений ноябрьского Пленума, за автоматизацию производства, а здесь такое равнодушие! Члены группы: газорезчик Виктор Юрчино, то-

нар Владимир Погорелов, резчик Анатолий Дубинин, — оставшиеся после работы, за десять дней изготовили все необходимые для нового приспособления детали. Десять дней весто полтора лет — вот цена комсомольской инициативы!

Три года лежало «под сунуком» предложение тов. Штанова, позволяющее облегчить вес крошечной шахтной вагонетки на восемь килограммов. А это дало сэкономить тонны металла в месяц! Штабисты и тут вмешались: завили завод перебраться на изготовление облегченных крошечных.

Штаб творческих дел стал не только контролером, но и хорошим помощником рабочих в выполнении плана первого года семилетки. Молодежь завода в этом году за счет уплотнения рабочего времени изготовила более 30 штампов вагонеток, из сэкономленного металла сделала 4 леточных транспортеров, сберегла на 13 тысяч рублей реновующего инструмента, сэкономила около 300 тысяч киловатт-часов электроэнергии.

г. Тула.

Н. ГУСЕВ

ДОСТИГНУТО...

Потом света любили в ширине она. В цене тепло и качество пораминуют уютно. Скоростной перемещаются пассивные машины, ползут бесконечные ленты транспортеров, сваливая на стелжи разбросанных горни готовых варемин и перчаток.

Около года назад здесь родилось замечательное движение, известное в Дмитрове под названием «Почти монополия» везельщиков.

— Семь девушек, семь парней — Тоня Азарова, Вера Крыльнова, Нина Кочина, Тоня Будунова, Раиса Гресснова, Тоня Бородачева и Валасова — возвращались с собрания, на котором работницы съездили в честь предстоящего XXI съезда партии принять новые, повышенные обязательства.

Предложение поправилось. Уже на следующий день в цехе обсуждали открытое письмо семи энтузиасткам.

У нового всегда больше и сильнее крылья. Так было и в починке семин. Получив право на жизнь, они вскоре обогатились новым содержанием: в значительных днях

XII съезда КПСС а третьем везельном цехе решили работать не только на высшем достигнутом уровне, но и выпускать всю продукцию первым сортом.

«Не допустим ни одного случая возврата, пересортицы, неправильной маркировки и упавовин изделия, изданием случаев рекламации», — записали новаторы в обязательствах.

«Эта «поправка» тоже была принята единогласно.

И вот фабрика уже более полугода дает продукцию только отличного качества.

— Как живут значительные? Фото корреспондент застал в цехе лишь четверых. На дальних цепочках остались, трудится теперь Комсорг Вера Крыльнова; Тоня Азарова готовит стать материалы; над дипломным проектом работает Тоня Бородачева.

Дело, которое начали подруги, находит все большее число последователей. Тоня Хромова, инженер цеха экскаваторного завода, текстильщица фабрики имени 1 Мая приняла повышенные обязательства. И недалеко тот день, когда на любой предпринятый района как снимут гордо:

— Даем продукцию только первого сорта!

г. Дмитров.

В. ПЛОТНИКОВ

«Ударный»
набирает
силу

Фото Г. Дубинского.

Ему всего лишь три месяца, а он уже завоевал авторитет. И нешуто обращаются технологи, мастера, рабочие, начальники цехов и даже главный инженер завода. Его боятся бюрократы, разглядывая, лодыри — все те, кто тормозит производство, нарушает графики или срывает выполнение заказов.

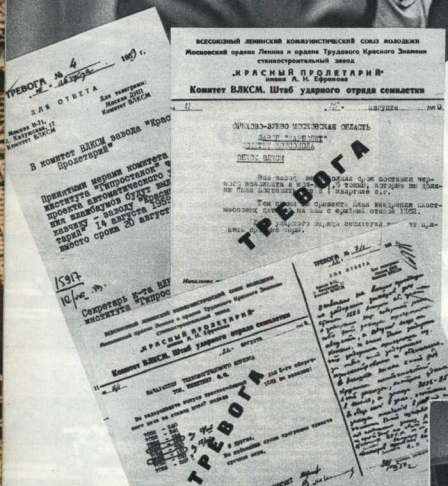
Ударный комсомольский отряд родился на московском станкостроительном заводе «Красный пролетарий» вскоре после июньского Пленума ЦК КПСС. Отряд объединил триста передовых комсомольцев, бригадиров и ударников коммунистического труда, членов комсомольско-молодежных и рейдовых бригад, сигнальных постов, молодых инженеров и мастеров. Был создан штаб отряда, а при штабе — совет молодых специалистов. Комсомольцам поставили перед собой задачу: обеспечить контроль за реализацией производственных планов, бороться за техническое перевооружение завода, чтобы превратить его в предприятие комплексной механизации и автоматизации. «Ударные отряды семилетки» назвала молодежь свой отряд.

«...В один из гигантских цехов — во второй сборочном — висит плакат: «Осмое новую модель станка 12Б».

Это новейший вертикальный прокатомат, который отличается большой скоростью обработки и высокой экономичностью. Такие станки будут незаменимы в тракторостроении и электромашинностроительной промышленности. В ближайшее время завод приступит к серийному выпу-

Спорные вопросы всегда лучше решать на рабочем месте. Со спесарем А. С. Козловым (крайний слева) беседуют: конструктор М. В. Регинский, главный конструктор завода Ю. М. Медя и комсорг цеха Н. Волков.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЬЮТЕРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ
Исследовательский центр Ленинского и Коммунистического университетов

схему новых агрегатов. А пока идет работа над опытными образцами. В новом положении «1283» Как выполняются графини сданы деталей в сборку? За этим неустойно следит сигнальная комсомольская посты. Отряд взял шефство над освоением новой модели. Если рабочий, собирая какой-либо узел, не получил вовремя нужных деталей, посты требуют от поставщиков немедленного устранения задержек. Не так давно в комитете комсомола появился специальный листок, ставший боевым оружием отряда. Листок назван коротким, будоражащим словом — «Тревога». Он имеет особую рубрику — «Для ответа». Дирекция «Красного пролетария», городской союзархоз, соседние заводы и поставщики из дальних областей испытали на себе действие требовательных, настоятельных сигналов «Тревога». «Ваш завод нарушает сроки поставки полутора тонн, которое вы должны были отгрузить еще в первом квартале», сообщает «Тревога» дирекции орехово-зубчатого станка. — Тем самым вы срываете план выдергивания пластмассовых изделий для нашего серийного станка... Штаб ударного отряда семилетия требует принять срочные меры.

Призван и ответу и его главный завод «АТИ»: почему задерживаются фирменные нолиды для нового станка? Тревожные сигналы полетели и на Харьковский машиностроительный и в Мосгорсоюзхоз. Штаб торопит, требует немедленных действий. Руководитель штаба, молодой инженер Лев Гудовский, вспоминает недавнее прошлое, говорит: — Раньше и так обращались редко... А теперь, когда нужно что-то «пробить», в штаб приходят и инженеры и конструкторы. Недавно, например, нас попросили помочь ускорить изготовление деталей синхронизатора для станка «1283». Выяснили «молнию», и детали сделали в срок. В новом техническом цехе, который был сдан под монтаж, остался неубранным мусор. Это задерживало расстановку и монтаж оборудования. Штаб адресовал «молнию» монтажной группе цеха «Монтажстроймаш». Ответ был коротким: «Мусор убран. Молния» снята... — В первом цехе сейчас безотказно работает автоматическая линия по обработке шестерен. А ведь когда привезли ее на завод, не сразу задвинулся механические группы семи автоматов. Линия была уже смонтирована, а ее еще продолжали осматривать. Специалисты растли в процессе наладки. Зато судьба двух автоматических линий, которые будут введены в строй в 1960 году, совсем иная. Линий еще нет, но будущие молчаливые автоматы по обработке ступенчатых валов и нолец уже изучают чертежи. С рабочими, которые предстоит обслуживать новые автоматы и агрегатные станции второго механического цеха, занимается группа целевого назначения совета молодых специалистов. Задача совета — готовить хороших кадры для новой техники. До недавних пор немногие из заводской молодежи интересовались наукой. «Станин и инструменты», «Станостроение в США», новыми книгами о достижениях советской и зарубежной науки и техники. Теперь научная информация занимается группа совета молодых специалистов. Через заводской радиоузел и газету, через стенды научно-технической информации группа сообщает о новых резцах, приводах, конструкциях, которые могут быть использованы на производстве. Различные ссылки на интересные статьи, короткие аннотации в брошюры и книги возбуждают желание читать материал целиком. Иной раз протестует ворона в технической библиотеке... Бывает, творчество молодых рабочих не идет дальше замыслов. Иной раз начинающему рационализатору или изобретателю трудно воплотить новую идею в чертежи. Получен еще один ответ на «Тревогу». Его заслушивают на заседании штаба.

Во втором цехе собирают сложнейшие механизмы.

В создании первых моделей «1283» участвовал и слесарь Николай Лялин.

составить техническую справку, сформулировать расцпредложение. Потому при совете создана группа технической консультации. Рабочий может получить здесь не только помощь в составлении чертежа, но и содействие в реализации предложения.

Есть при совете еще одна группа — технического обучения. Любой учащийся вечерней школы, заводского техникума или вечернего отделения института приходит сюда за помощью. Товарищи всегда готовы помочь ему решить задачу, подготовиться к экзаменам, перевестись, если это нужно, на работу в другую смену... По-новому организовано теперь и техническое просвещение на заводе. Лейцы по техникуму подкрепляются практическими занятиями: передовые рабочие показывают, например, молотки, как подготовить место у станка, как лучше и скорее заточить резец.

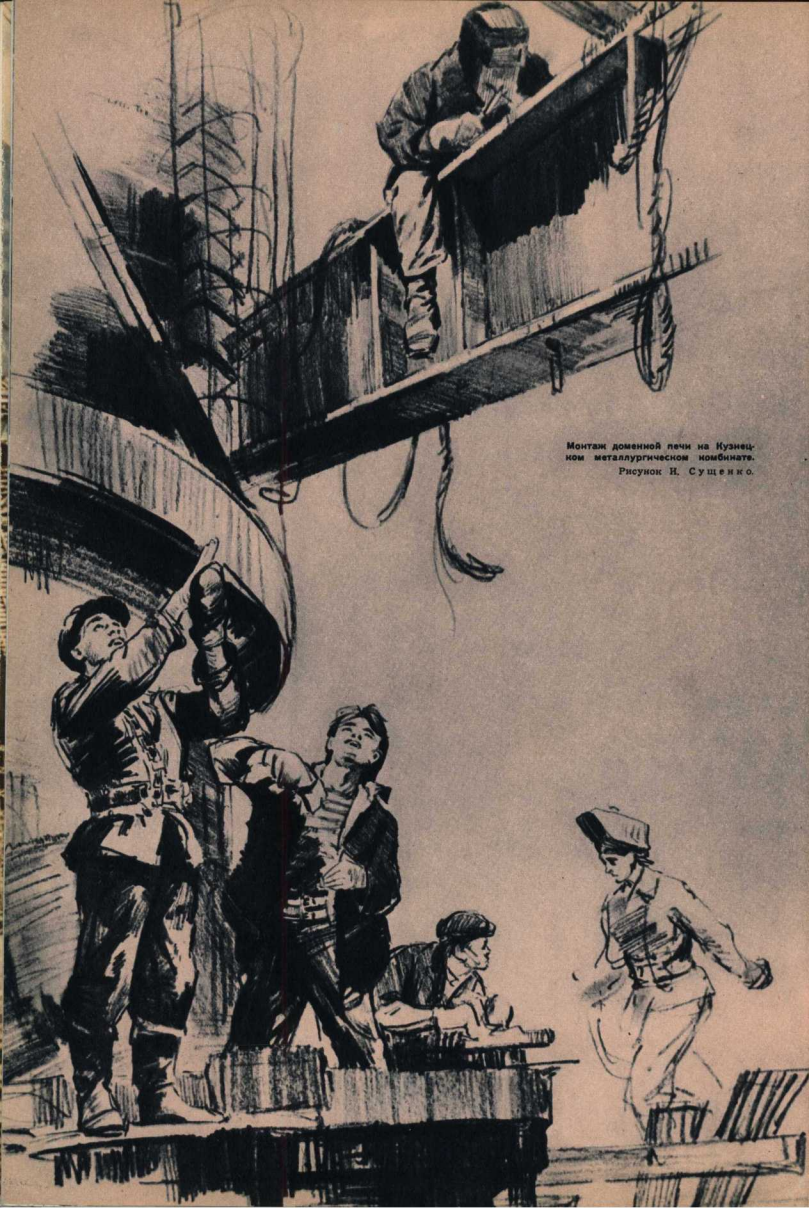
...Ударный отряд семилетки, созданный на «Красном пролетарии», набирает силу. Он действует, увеличивается в жизнь завода, бьет, если надо, тревогу, требует устранить задержки, нарушения графика, ослабление трудового ритма — четкого ритма семилетки.

А. ЛАММ

Член штаба слесарь Василий Ремезов.

Ведущий конструктор «1283» А. Итин (справа) и технолог А. Болотин испытывают новый станок. Шесть лет назад Артур Итин был еще студентом...

Монтаж доменной печи на Кузнецком металлургическом комбинате.
Рисунок И. Сущенко.

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

УЧИТЕЛЬ МОЙ

Учитель мой,
он был не из жестоких,
Он понимал,
а потому прощал,
Когда я опрокидывал опoki,
Ломал модели,
что-то забывал.
А после было:
с горьким сожаленьем
Заметил Федька
как бы между дел:
— Ну, что ж, ты ловко
перенял дажненья.
Но я ведь душу
передать хотел...
И все.
А дальше будин,
будин,
будин...
Жизнь на заводе —
и другая жизнь.
И было трудно
очень, очень трудно.
Пока в одну дев жизни не сплелись.
...Учитель мой,
голубоглазый Федька,
Он мне дороже всех учителей.
Спасибо им: учили арифметику,—
А Федька жжжж,
что куда спонией!

ОНА ЛЮБИЛА

Она любила,
как она любила
Взбежать на кручи, рассыпая смех,
И запрокинуть голову,
и с силой
Стряхнуть с березы золотистый снег!
Она любила сплоски и ветер,
Грозой пропахший, летом и землей,
Траву любила, музыку
и эти
Цветы синижи с жесткою листвой.
Со мною в лес и на реку ходила.
И люди ждали свадебного дня...
Откуда знать им, что она любила
Все,
все на свете,
только не меня.

Николай СТАРШИНОВ

ВЫСОТА

Я жизнь свою хочу сравнить с полетом,
Хотя пилотом не был никогда...
И по болотам топал с пулеметом
В дожди и снег, в жару и холода.
Я дин за дивям, пробиваясь к цели,
В земных глубинах и среди болот
Сподвигнувшись мот шагали радом,
Вershашце со мной один полет.
Один из них, слабее, говорил:
«Нам этот груз нести невмозможно,
И у меня ослабевают крылья,
Казалось, я теряю высоту.
Но были одержимые, которым
Любое дело было по плечу.
И сердце несомкнуающим мотором
Во мне стучало: я лечу, лечу!..»

Подбрасывая на своих ухабах,
Меня трепала жизнь, как треплют лен.
Я слабым был,
Но это среди слабых.

А среди сильных
Был я сам силен.

* * *

Уже прохладно вечернее
Самекился полуденный зной,
Но шел и шел я по течению
Малюсенькой реки лесной.

Она текла, шурша осокою,
Земля водою голубой.
И небо, как мечта, высокое
Сверкало в капельке любви.

Где напрямки текла лощинкою,
А где пригорок, так в обход,
И пела каждому песчинкою
И каждой каплею: вперед!

То очень быстрая, то плавная,
Текла, покоя не любя,
И вдруг она ушла...
И, главное,
Не от меня, а от себя.

Отбросил все на свете здорово,
Своей натуре вопреки,
Река вошла в болото ржавое,
И больше не было реки.

Александр ЛИВАНОВ

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Под небом лишь степь и дорога,
И травы почти до седла.
Откуда же песня широко
Над степью монгольской всплыла!

Мирян полуденный иль небель!
Жарница лишила ума!
Казалось, под солнцем и небом
Монголия пела сама.

И в зелени буйной и сочной
Мельнула и предстал наконец,
Как выгязь из сказки восточной,
Арат молодой на коне.

И песня замолкла. Так встает
Под зыбками Бусам нить.
«О чем в этой песне поется!» —
Хотел я монгола спросить.—

Про знойный, пылающий полдень.
Про славу ль далеких воевод? —
Я в жесткой пылаке воспольнеть
Запас нехватяющих слов.

Наверно, вопрос мой был узким,
И, руку сжимая мою,
Монгол мне ответил по-русски:
«О счастье, товарищ, покой!»

В ПУТИ

Непогоде ни конца, ни края.
Просятся близкого не жди.
Две недели льют, не устая,
Хмурые тучные дожди.

В самый раз геологу погода!
Мы шагаем целью вдоль реки.
Горным склонам дождевые воды
Чисто отмывают позвонки.

Мгlistой чащец, только по коленам,
Мы в дороге восемь долгих дней.

Северней — стремительная Лена,
И Байкал рочоучий — южней.

Мы прошли нехоженой тропой,
Снова в путь готовится отряд.
Закмпают котелки с водою,
Мы крошим в ладонях концентрат.

Резкий ветер бьет наотмашь веткой.
Поминишь, я боялся сквозняка!
А вчера сказал мне начравзвядки:
— Ты — геолог. Вот моя рука!

Однвдий ЛЮБОВИКОВ

ОДНОПОЛЧАННИН

Танками раздавленное поле,
С грязью перемешанная озыма,
На подгнившем, ветхом чстокопе
Робкий мной первого мороза.
Мертвых окон жуткое молчанье.
Стоны ветра в охладевших трубах...
Помню, говорил однополчанин,
Говорил, слова роняя грубо:
— Разве понимаю горючане,
Как тоскует сердце хлебороба!
Вот у нас землянка на Кубани
Мягкая и пышная, как сдоба.
Март размоет ледяную кровлю,
Унесет в Кубань сугробы снега —
На ночь в завалью посадят оглоблию,
А наутро вырастет телега!
Шутка шуткой... В середине лета
Шляпу брось — колосья не уронят.

Эх, когда вернусь — читай газету! —
Буду в своем первом зимелоне!...
Этот разговор под Новоржевом
Я сегодня вспомнил не случайно.
Отшумели на полях посевы,
Вдоволь нарабатались комбайны.
Далека Кубань от нашей Вятии,
Только расстоянье не помаяд:
Я тебя сегодня по-солдатски
Подражаю с боевым успехом!
Вину, как ты в поле на рассвете
Принимаешь грудью колчий ветер...
Не беда, что в сводках и в газете
Твоего я имени не встретил.
Мы прошли по щербю и знаменам,
Под рыдания и оркестров звоны,
Но не называли поименно
Всех шагавших в первом зимелоне.

УЛИЦА СВОБОДЫ

Здесь любой мальчишка — мой приятель,
И еще добавлю, что на ней
Для меня давно нет «блатных патен»,
Каждый дом знаком до мелочей.
Дом на переулочке.
Здесь часам,
Робкое дыханье затаив,
Будущие папы ждут с цветами
Позвонена переулочке звонки.
А неподалеку
в светлом здании
Работающей молодой народ,
Жадный и до жизни и до знаний,
Не по дням, а по часам растет.
Как дождям до школы... шаг короче,
По секрету сообщить готов:
Здесь она училась, между прочим...
Кто она — легко понять без слов.
За предместьем — корпус заводов,
Ширь полей,
вдали — изгиб реки...
В октябре семнадцатого года
Самым светлым именем — Свобода —
Улицу назвали землянкам.

ВНЕДРОСОРЯТ

1

— Виктор! — позвала Оля, но голос ее потонул в шуме работающих агрегатов.

Кривяк было бесполое; казалось, даже воздух стал плотнее от дробного грохота электроточечных агрегатов.

Оля впервые видела своего мужа, Виктор Вакуленю, в рабочей одежде. Он стоял к ней спиной, коренастый и крепкий, ловко захватывая листы металла и подавая их на пресс. Его размеренные движения были четкими, а лист чувствовался выходящим точным и строгим ритм. Оля начала считать прошитые Виктором листы и сбился со счета.

«Вот он какой...» Она знала, что в цехе с удивлением говорят о Викторе Вакуленю, хорошем производственнике, во всем непристном, энергичном парне, вожаке комсомольцев участка. А сейчас, увидев его на рабочем месте, у прессы, по-новому испытала чувство гордости за своего друга. И на какие-то минуты забылись слезы упрямки, которые она собиралась высказать Виктору.

Он обернулся, увидел Ольгу и, молча показав на часы, кинулся головой в сторону выхода. Она пошла: скоро перерыв, стретминг...

Через несколько минут они уже сидели в заводском сейвике.

— Что-нибудь случилось? — спросил Виктор.

— Ничего не случилось... — сухо проговорила Оля. — Ты знаешь, что говорят о тебе на заводе?

— Обо мне? — А то о ком же! Послушай бы, как тебя отчитывают за выходные. Нашелся, говорит, перестоятель... И ты не смейся. Наломаете вы дров со своим пономичем, больше ничего... «Работает без контролеров...» Да у вас столько брака пойдет, что и зарплата не хватит на выходные!

Оля говорила торопливо, может быть, боясь, что Виктор переубедит ее, но не дослушав до конца. Но Виктор молчал. Ему было досадно сознавать, что Оля отказывается понимать смысла нового начинания, прислушиваясь к голосу маловверя, которым всегда жужжит дерзание. А он-то думал, что у них с Ольгой не может быть никаких разногласий, что им одинаково понимают смысл нового начинания, прислушиваясь к голосу маловверя, которым всегда жужжит дерзание.

— Уж не боишься ли ты остаться без работы? — шутовно сказал Виктор. — Все-таки контролер ОТК...

— Представь себе, но боюсь! — сухо проговорила Оля.

— Ну, ну, не сердись!

— И не сердику!

— Правильно. Ты пойми, Оля, это очень важное, очень нужное дело — работа без контролеров. До чьей ты говоришь, ведь вопрос этот до мелочей обсуждался на собрании актива. Мы недавно послали, что если упразднить весь аппарат контролеров, то комбайн станет намного дешевле. Посуди сам: только в нашем це-

хе асемьдесят контролеров. Совершили их обходится затрат почти в шестьдесят тысяч рублей ежемесячно. Представляешь, какая экономика может быть за семилетие? Около пяти миллионов! К новому всегда трудно привыкать, Оля.

Да, к новому привыкать нелегко. Но Виктор ни минуты не сомневался в том, что его начинание будет поддано и в других цехах завода. Пусть только пройдет немного времени, пусть будут получены первые результаты, а затем мало было скептиков, когда мы хотели осудить смежные профессии! — сказал Виктор, возвращаясь в цех. — И не только скептики — противники находились...»

2

Это началось вскоре после июньского Пленума ЦК КПСС. В комсомольской группе Виктора Вакуленю заговорили о плохой организации труда на участке бункеров. Было не-за-чего тревожиться: потерь времени на отдельных операциях, несогласованности в работе станочников, брак — все это приводило к частым простоям конвейеров. «Вам разве комбайны строили Советскими — и ты не спелит!» — заявили на соседних участках. И каких только «комментов» не отпустили в их адрес ребята Общей всего была кличка «бракоеды». Слово это злило и оскорбляло.

Онакомившись с материалами Пленума, решили собраться всем участком «на бункерах». Виктор любил эти собрания на воздухе, под шестром раскидистых старых акаций. Рассказывал, прямо на траве. Эта обстановка почему-то напоминала Виктору ходки дореволюционной поры, когда он знал о них лишь из книг да рассказов старых рабочих.

Виктор обвел глазами присутствующих. Прямо против него сидел Анатолий Супрунов, рядом с ним — Максим Годунок, а поодаль — Петр Буддугин, золотые парни, отличные мастера. А вот дело на участке почему-то не клеилось.

Собрание открыл коммунист Иван Лесной.

— Я вот что думаю: на одном месте мы стоим. Дальше своего станка ничего видеть не хотим. Есть такое выражение в машиностроении — взаимозаменяемость деталей. Хорошо было бы поговорить о взаимозаменяемости профессии. Что это такое, спросите? А вот что. Я, например, по профессии электроточечник, а берусь изучать гибочный пресс. А электросварщик Петр Буддугин пусть моему делу поучится. Надо добиться того, чтобы все двадцать шесть человек в случае необходимости могли заменить друг друга у агрегатов.

Лесной не случайно упомянул имя Буддугина. Как-то раз Лесной заболел. На его пресс пришлось поставить Петра Буддугина. Но как ни старался Петр, а вместо восьмидесяти узлов он подал на сборку только пятьдесят.

Нет, успех заводской программы по выпуску комбайнов не должен зависеть от случайностей... Потому-то предложение коммуниста Лесного нашло у комсомольцев горячую поддержку.

Так на участке бункеров возник «институт смежных профессий». Виктор первым решил освоить пять смежных профессий: сборку бункера, килеку крыльшек и ножку, установку вентилятора, а также узла и подвеску бункера. Его примеру последовали Волода Долгополов, Анатолий Супрунов, Максим Годунок...

Несмотря на то, что трудовой

день на участке был напряженным, время на учебу выделяли обязательно. Приходили до начала работы, оставались после смены, старались быстрее пообедать в столовой и снова идти в цех. И ни одно учебное заведение не знало таких разительных перемен, какие происходили в «институте смежных профессий». Так, в один и тот же день Виктор мог быть и студентом и преподавателем. Студентом он был у рабочего места Володи Долгополова, обучавшего килеку бункера, а преподавателем — у своего электроточечного прессы.

Однажды водитель механизированной тележки ушел на обед, а в это время надо было срочно подвезти на участок несколько тяжелых деталей. Пришлось ждать... В тот день Виктор подумал, что, простояв полчаса, они не дадутся пятнадцать бункеров. Было решено срочно овладеть еще одной профессией — научиться водить механизированную тележку.

Однажды с главного конвейера пришли сборщики.

— Что у вас здесь происходит? Новый агрегат какой-нибудь установлен на участке?

— А что? — не понял Виктор.

— Как что? Молодцы! Мы вот благодарить вас пришли за слаженность в работе.

Принимать благодарность было, конечно, куда приятнее, чем получать обидные клички. Но первые успехи не вскружили голову комсомольцам. Группоском Виктор Вакуленю и его товарищи решили реализовать новую смелую мысль...

3

Люба несколько раз прогавала по цеху, оставившись у готовых бункеров и, прикрыв рот ладонью, зевнула. Рядом с ней шумели прессы; разбрызгивая снопы искр, торопливо выдвигаясь вперед, аппараты. Люба напряженно трудилась, а девушка стояла в сторонке и ждала, когда же кончится смена и можно будет наконец уйти домой. «А если я уйду сейчас, что изменится?» — подумала она и усмехнулась... Ничего!

Все эти парни, изготавливающие бункера для комбайнов, и без нее хорошо понимали, как важно тщательно проверить каждый шов, зафиксировать размеры, выдержать заданные размеры. Зачем она здесь? Ее работа контролера ОТК на этом участке стала лишней.

— Скучевы, Люба! — проходила мимо, обратился и девушка Виктор Вакуленю. — Пошла бы лучше сюда водить свою электроточечную станцию. Больше пользы принесешь заводу. Мы ведь думаем без контролеров обойтись.

Люба молча слушала и думала: «Виктор прав. Как можно работать там, где не приносишь никакой пользы!»

«Высоко над агрегатами вывешен плакат: «Здесь работают члены заводской группы Виктора Вакуленю. Они слодат продукцию под личное клеймо, минуя контролеров ОТК.»

Это то новое, что родилось в заводском соревновании в честь предстоящего двадцать пятого Виктора Вакуленю. ЦК КПСС.

Нет, не легко работать без контролеров, даже на себя дополнительные заботы о качестве гото-

ГОД БОЛЬШИХ НАЧИНАНИЙ

Дай руку отстающему

Ивана встретили настоящие друзья. Иван перешел от них, отстоявшись, из своей периодической бригады, слава о которой гремела по всему теплоэлектростроительному заводу. Но какой-то неверия исцел, когда рабочие теплоэлектростроения Иван Кладов пришел и Иван совершенно добровольно взял на себя почет, ни о зарплате.

И ребята потянулись и своему новому бригадному, всегда подтянутую, дисциплинированную и отзывчивую. Глядя на него, пересказывая самые интересные случаи из жизни Кладова, выходящего на работу. Коллектив, в котором он принимался в ряды «отстающих», начал выходить, как говорится, в люди. Сейчас бригада обихватывает тепловозов систематически пере-

выполняет производственными заданиями.

Иван Кладов первым в Луганске подтвердил почет вышестоящей дисциплины Валентина Галагонова, всех предпринимателей города, наших патриотов, молодые ножи, приносящие перевесы, пережившие работать на отстающие участки: Лев Луганский с трубоэлектростроительного завода имени Якубовского, Виктор Винюков с турбинного завода имени Руля, Владимир Поддубный и Евгений Васильченко с теплоэлектростроительного комбината имени Ворошилова, Вардан Терушян с литейно-механического завода.

Первые шаги сделаны. Луганские последователи Галаговы уверено выводят свои коллективы вперед.

М. БЕРЕНЗОН

г. Луганск.

вой продукции! Раньше, например, контролер не обратил бы внимания на такую неточность, как отклонение от размеров на три миллиметра, а сейчас все стало намного строже: комсомольцы взяли пооперационный контроль. Раньше каждый станочник знал: после него существует еще «технический фильтр», который обнаружит брак. Теперь этого «фильтра» не стало. И у каждого рабочего родилось новое чувство — чувство огромной ответственности за свою работу и работу товарища.

Воду из смен на конечной операции по изготовлению бункеров стал Алексей Пименов. Осмотрев сварку узлов, подготовленных электроточильницей Долгополовой, он сорвался с места и бросился к работнице:

— Останови сварку, брак годен!

Оказалось, что девушка не сумела отрегулировать аппарат и сварка получалась недостаточно качественной. Помогая наладить аппарат, Алексей говорил:

— А ты знаешь, и чему могла привести такая сварка? При работе узел бункера наверняка распался бы. Не поблагодарили бы нас с тобой сельские механизаторы.— Помолчал, Алексей улыбнулся: — Есть на кораблях такая должность — впередсмотрящий. Он обязан предупреждать экипаж корабля об опасности. Этот морской закон неплохо было бы перенести в нашу бригаду, с той только разницей, чтобы не один, а каждый из нас стал на участие впередсмотрящим.

...На высоких вешалках закреплены бункеры, они напоминают огромные железные кулики. Сейчас «кулики» пусты, но придет день, и их наполнят золотым зерном хлеборобы Украины и Китая, Казахстана и Болгарии, Кубани и Венгрии. И вряд ли водитель степного корабля обратит внимание на маленькое круглое клеймо, которое стоит на каждом из этих амьстельских, добротн сделанных бункеров.

4

Мы сидим в цеховой конторке. Высокая, застекленная, она удивительно похожа на капитанский мостик.

За столом — секретарь партийной организации цеха холодной штамповки Иван Севастьянович Сыс. Он медленно, обдумывая каждую фразу, говорит:

— Хвалю наших комсомольцев. Они делом ответили на решения июньского Пленума. Теперь на работу без контролера можно перевести участки панелей, крупных и мелких узлов. Это позволит нам сократить расходы. А меньше расходов — дешевле комбайн. Вот какая сила у маленького личного клейма, которое ставит сегодня на бункерах молодые станочники из комсомольской группы Виктора Вакуленко! Мне кажется, это отличный подарок предстоящему декабрьскому Пленуму Центрального Комитета.

Наш разговор прервался. Вошли рабочие, и пока они беседовали с парторгом, в открытую дверь врывается могучая шума, наполнявший шум вечно живого моря.

Р. РОЗОВА

г. Ростов-Дон,
завод «Ростсельмаш».

ИНТЕРВЬЮ НАНСИ СМАЙЛЕР

Фото автора.

Встречи в Эйбис нельзя забыть. Эйбис — это маленький городок, где находится университет штата Алоа. В университете обучается около десяти тысяч студентов.

Мы ехали по городу, когда машина Нинты Сергеевны уже прошла вперед, тогда он начал осмотр университета. А здесь ведь дороги все еще стояли юными и девушками в белых и цветастых рубашках, с морщинятыми зачесами, в небрежно намотанных на плечи студенческих куртках. Над их головами кричали транспаранты: «Богдани Хрущев, мы приветствуем Вашу пропозицию по разрушению», «Здравствуйте, Хрущев», «Добро пожаловать», «Студенты Эйбиса встречают Вас».

Чем ближе к центральному зданию университета, тем больше полиция.

С помощью своего значка «Пресса» я преобрался и зданию одного из факультетов, которое осматривал Н. С. Хрущев. Он спустился по лестнице и направились и машине по узкому коридору, образованному полицейскими и густой толпе студентов.

В этот момент я увидел Нанси. Она бросилась и Нинте Сергеевну и, оказавшись рядом, из-за спины полицейского быстро запрокинула голову и сказала: «Нинта Сергеевна, я пришла сюда и останусь».

— Я слушаю Вас, — ответила Нинта Сергеевна.

— У вас в Советском Союзе принят новый закон по реформе образования. Что он дает студентам?

— Этот закон, — ответила Нинта Сергеевна, — будет полезен студентам так же, как и всему народу.

— Большое спасибо, — ответила девушка.

Нинта Сергеевна пошел дальше, сел в машину, которую тотчас отпустили студенты. Машине трудно было тронуться с места, настолько густая была толпа. Американцы кричали, приветствуя гостя, махали ей руками, платками. Это была теплая, не предусмотренная никакими программами, идущая от души и от сердца встреча.

Я подошел к девушке и спросил, как ее зовут, кто она, почему задала именно этот вопрос.

Из разговора выяснилось, что она корреспондент студенческой газеты «Миннесота дейли» — газеты, которая является органом университета в городе Миннеаполис. Зовут ее Нанси Смайлер, она студентка четвертого курса факультета журналистики. Перед тем, как ей поехать в Эйбис, где предполагалась встреча с Хрущевым, состоялась специальная заседание редакционной газеты. Догово обсуждался вопрос, который их корреспондент должен задать Хрущеву, если удастся встретиться с ним.

— Это было бурное собрание, — сказала Нанси.

Как сообщают последние газеты, не менее бурные собрания, обсуждения и дискуссии приходят до сих пор в студенческой Америке, да и по всему миру: люди горячо обсуждают историческую поездку главы Советского правительства в США.

Молодежь надеется, что результатом Высочного визита будет ликвидация ненавистной холодной войны и установление дружбы и мира во всем мире.

В. ПАРХИТЬКО

Эйбис — Москва.

Рисунки В. Каменского.

МОЯ СЕМ

«Досрочно введем в строй 28 промышленных объектов и сто автоматических линий! Выполним семилетку за пять лет!»

Сегодня это самые популярные лозунги рабочей молодежи Пермской области. За два экономически года молодые энтузиасты дадут стране дополнительно миллионы тонн высококачественного бензина, разнообразных химических продуктов, тысячи новых машин и механизмов.

Пермские рабочие поставили перед собой задачу — внести в семилетку свой личный вклад. Этот замечательный почин комсомольцы так и назвали — «За личный вклад в семилетку!»

Что же это такое? Стремь досрочно выполнить семилетный план, каждый молодой рабочий принял обязательство повысить производительность труда, овладеть второй, смежной профессией, внести не менее одного рационализаторского предложения и еще больше расширить и углубить свои технические знания. Чтобы достигнуть намеченной цели, молодежь неустанно ищет скрытые резервы производства, настойчиво учится.

Сто тысяч молодых рабочих уже внесли в комсомольскую копилку более ста миллионов рублей.

Комсомольцы Георгий Кназев, Гиннадий Долженков и Александр Татакин решили проблему использования тепла отходящих газов. Это принесло Соликамскому магниевому заводу, где они трудятся, большую экономию. Полтора года назад пришли на завод выпускницы средней школы Римма Жуланова и Тамара Пономарева. Они мечтали овладеть профессиональной аппаратурой. Управлять магнелием производством нелегко. Оно требует разнообразных и прочных знаний, терпения и неослабного внимания. Помощь старших товарищей, знания, приобретенные в школе, помогли девушкам за короткий срок стать лучшими аппаратчицами завода. Они регулярно перевыполняют сменные задания.

Молодой специалист Берзинковский комбината Виталий Белов выступил с предложением передать рабочим свои знания и опыт, помочь им глубже овладеть своей специальностью.

После работы, по вечерам, он прочел в красном уголке курс лекций по организации производства и основам строительного дела.

Конструктор Поликарп Ткачук, недавно окончивший Лавровский политехнический институт, принял личное обязательство усовершенствовать процесс укладки грузов. Это предложение намного облегчает труд рабочих-грузчиков и значительно увеличивает производительность...

Много, очень много замечательных парней и девчат на предприятиях Пермской области, которые своими личными вкладками способствуют досрочному выполнению семилетнего плана. Широко известны имена Ранисы Верховажиной из Перми, Анатолия Кузнецова из Соликамска, Владимира Задворнова из Березников и многих других.

Художник В. Каменский недавно побывал на предприятиях Пермской области. Давайте вместе с ним совершим экскурсию по заводам и фабрикам родины нового комсомольского починка.

На руднике Соликамского калийного завода мы познакомимся с бригадиром Николаем Кондратьевым. По примеру Валентины Галановой молодой рабочий перешел из отстающей бригады. Нелегко было наладить дисциплину, по-новому организовать труд рабочих. Но вера, упорство и терпение всегда победят. Сейчас бригада Николая Кондратьева выполняет нормы на 140-150 процентов.

В. ПЕРВЕНЦЕВ.

ИЛЕТКА

В элентролизном цехе магниевого завода наша выемка невольно привлекла работа звена рабочих-вану-ушников. Завалкой, на которого равняются все, является бригадир Александр Николаев, молодой инженер в члены КПСС. Он так умело организовал труд, что его бригада систематически перевыполняет сменные задания и считается одной из лучших на предприятии; ее опыт используется и в других цехах.

Если на Пермском телефонном заводе вы увидите девушек в красных носынах, знайте: они из бригады коммунистического труда. Вот, например, член бригады Шура Русакова. Вместе с бригадиром она внесла ценное рационализаторское предложение. По ее инициативе на одном станке будут выполняться сразу три штамповочных операции... Шура Русакова — депутат областного Совета трудящихся.

На Пермском заводе имени Дзержинского славится бригада коммунистического труда, которой руководит Рай Верхомишина. «Бригадой дружных» называют здесь этот коллектив: девушки всегда идут вместе — и на работу и на отдых. Впрочем, в отдах члены «бригады дружных» не мыслят без спорта и учебы. Все они — студенты заочного отделения Пермского государственного университета. Знания, полученные в университете, и активные занятия спортом помогают девушкам лучше трудиться. Из месяца в месяц производительность «бригады дружных» становится все выше... Недаром на одном из комсомольских собраний о членах бригады

Рай Верхомишиной сказали, что они воспитывают в себе черты людей коммунистического завтра; в них сочетаются духовное богатство, моральная чистота и физическое совершенство. Трудно представить себе похвалу выше этой!

Познакомьтесь: это Анатолий Кузнецов, токарь Соликамского магниевого завода. Анатолий самостоятельно разработал несколько технических усовершенствований. Их внедрение экономило предприятию более трех миллионов рублей. Начав свой трудовой путь машинистом паровоза, он приобрел специальность токаря и слесаря. Сейчас Анатолий учится на четвертом курсе Московского станкостроительного института...

РАССКАЗ О ГЕРОЕ

Рисунок А. Лурье.

В детстве у меня было множество всяких «нелязь».

Жил я тогда у тетки, на самой окраине Москвы, — дальше начинался пустырь, отведенный под свалку. Это было интереснейшее место. Здесь, в грудах сгнивавшей металлической стружки, замасленного тряпья и всевозможного лома, можно было найти шарик, пружинку, а то и какую-нибудь сверкающую железяку, поющую на нагана.

Но ходить на свалку было нелязь. Недалеко от нашего дома проходило шоссе — место не менее заманчивое, чем свалка. По нему маялись грузовики и легковушки, а однажды напротив крошотной дощатой закусочной целых пятнадцать минут простояла пыلتоника с прицепом. Но это еще что! Иногда по шоссе проносились, словно скачущая колесница, красная, сверкающая краской и касками пожарная машина.

Но подходить к шоссе запрещалось. А когда я нарушил запрет, тетка на три часа заперла меня дома, сказала: — Видит бог, я делаю это для твоей же пользы.

Она столько делала для моей пользы, что я просто мечтал, чтобы она хоть разочек сделала что-нибудь для моего вреда.

И уж, конечно, не разрешалось бегать купаться на Моску-реку, забытую баржками, радужную от нефти. А скрывать это преступление было невозможно: несмысленные пятнадцать разоблачители само великодушное арание. Можете мне верить: врать-то я умел!

Но существовало еще одно, самое строгое «нелязь»: это водиться с Мишкой.

Мишка был хулиган — так считали все мамы нашего двора, включая и мою тетку. Он знал слова, которые начинались на самые ужасные буквы. Он курил — во всяком случае, когда Мишкина мать вытряхивала его курточку, след за гайкой, куском вара и заминавшимся стеклом на глазах потрескивших соседей выпала длинная мятая папироска. И это в одиннадцать лет!

Да и вообще дня не проходило, чтобы Мишка чего-нибудь не натворил. Странно только: одни и те же Мишкины поступки взрослые считались хулиганскими, а нам, ребятам, геройскими. Думаю, правы были все-таки мы: ведь взрослые так мало понимают в жизни!

Вот, например, у нас в крайнем подъезде жил Витя Котыр, попросту Котыра — подлая сволочь. Он изводил малышей щечками, щипками и подзатыльниками. К Мишке он, конечно, подлизывался, таскал его из дому разную вкраскутину. Но Мишка был не из тех, кого можно купить хитростью и пирогами. Он подвиг Котыру к справедливому наказанию. И что же вы думаете? Котырина мать так расписывалась, что заболела, а соседи кричали, мол, надо наконец принять какие-то меры, и передавали друг другу ужасную историю о том, как этот хулиган, то есть Мишка, целых десять минут ездил верхом на мальчишке из интеллигентной семьи. Подумавшись! Будь я посылней, я бы ездил верхом на Котыре часа два, не меньше.

Мишке тогда попало от матери. Зато Котыра стал тихонькой! Но Мишка его все равно не любил, а он разбирался в поеди. Я потом не раз встречал Котыру. Он не менялся, а если менялся, то не к лучшему. Недавно старый приятель, из тех с кем мы катались когда-то на одних санках, сказал мне:

А Котыра человеком стал. Дополз-таки до хорошего места.

Только, по-моему, не стал он человеком: люди ходят, а не ползают... Когда вышло кино про Тимуря, мы устроили

у себя такую же команду. Тимуром был, конечно, Мишка. К сожалению, в нашем доме жила только одна семья красноармейца. Семья эта состояла лишь из толстой старухи, злой, как баба-яга, сохранившей к тому же дорволющину привычку драться за уши.

Но мы все равно азили ее под свою защиту и обрушили на голову бабки такую бездну заботы, что она, бедная, не знала, куда деваться. Когда бабка мешала во дворе морю белым мы поворачивали его как угодно, минуя, оставляя на протинках и наволаочках отпечатки пальцев. Когда старуха шла за хлебом, мы, забегая вперед, упрощивали:

— Бабушка, ну, бабуся, давайте мы купим, что надо! Дайте деньги, мы быстро...

— Денги вам! — кричала старуха. — Я вам дам денги! Вот я вас за уши!

Пробраться в комнату к бабке, чтобы навести там порядок, было невозможно, поэтому мы решили хотя бы вымыть ей окна. Поскольку работа эта явно дочачья, поучились мы. Утром, когда старуха пошла в магазин, мы с ведром и тряпкой подошли к ее окнам, выходящим на пустырь. — Мишка! пригнулся, Вера залезла к нему в спину и стала мыть. Она была очень толстая, но Мишка терпел. Он стоял неподвижно; это точно видно, что она сама оступилась и треснула лбом о раму. Стекло так и звякнуло! Посыпались осколки. Мы бросились кто куда.

Если бы вы только могли видеть, какой скандал закатила бабка, решившая, что в окно лезли воры! Она куда-то ушла и через час вернулась с милиционером. Мы сидели на тротуаре, делали вид, что играем в фантики, и со страхом глядели на бабку, милиционера и пса, бежавшего саadi.

— Лучше сразу сознайся, — сказал Вера Котыра. — С собой все равно найдут.

Собака была рыжая, лопоухая, зловобуликом. Честно говоря, выглядела она довольно глупо. Но, наверное, это была очень умная собака, потому что, проходя мимо нас, она вдруг торжественно взавизгивала и тыкала носом в толстый Верами живот. Поняв, что погубила, Вера разразилась ревом, неслыханным в наших местах. Милиционер вздрогнул и обернулся. Мы замерли. Но тут Мишка вышел вперед и, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Это я разбил стекло... Милиционер удивился, взял Мишку за руку и увел с собой. Умная собака, таякая от избытка чувств, побежала почему-то на помылку. А что сказала старуха, передать не пытаюсь...

Мишка пришел назад на мотоцикле. Милиционер сказал ему: «Ну, пока, Михалыч», — и даже пожал руку. Но этого, как назло, никто из взрослых не видел. Зато все почему-то видели, как его увел милиционер.

Теперь всем мамам во дворе было точно известно, кем станет Мишка, когда вырастет: он станет бандитом.

Наверное, целую неделю соседи судачили о Мишке и повторяли на разные лады:

— Бедная мать! Бедная мать! А, по-моему, дворничиха Настя, Мишкина жена, была такой уж «бедной». Ведь Мишка и хлеб всегда приносил и на рынок бегал, если надо. А когда тетя Настя болела, он брал мелу, совок и убирал двор. В такие дни мы за великую честь считали помочь ему. Работа дворника казалась важной и уважительной всем мальчишкам во дворе, может быть, кроме Котыры.

Мне тогда только что исполнилось девять. Я пролежал с воспалением легких целый месяц — привиделась мне еще было. И пока ребята гоняли в футбол был усталый позадидомы, а боролась в бреду всякую чухню, ел табак и без конца изучал географическую карту, висевшую над кроватью. Сперва карта была просто пятнистой, как палитра у художника. Но тогда же, в августе, я уже различал материн и океаны, а к концу месяца знал, где течет теплое течение Куро-Сиво, где находится город Перлпамбуку и какие государства расположены на острове Гант...

Когда я впервые после болезни вошел во двор, слух о моих великих познаниях разнесся среди наших мальчишек. Каждый день мне устраивались экзамены. В конце концов оказалось, что географию я знаю лучше, чем четвероклассники и даже чем пятниклассница Галь-

кашлела, хотя такой отчаянной зубрили ее уже не встречал.

Кончилось тем, что для состязания со мной Мишка откуда-то привел семиклассника. Но я и его победил. Правда, теперь я понимаю, что победа эта была не столь уж блистательной, потому что семиклассник оказался второгодником, двоенником и вообще дураком. Но ведь тогда Мишка учился в третьем классе, я только что пошел в школу, и мы даже представить себе не могли, что семиклассник может быть дураком.

Научное состязание развивалось так. Мишка, избравший судей, взглянул в карту и предложил нам назвать столицу США. Я быстро сказал ему на ухо: — Вашингтон.

Семиклассник, подумав, выдвинул свою кандидатуру Париз. Мишка и тут же бросился в карьер. Я окошкою стоял в стороне, ибо уверен был в своих знаниях.

После этого мы задавали вопросы друг другу. Семиклассник был бит по всем статьям. Выяснилось, что запас его географических познаний состоит в основном из двух пунктов. Пункт первый — «Северный Ледовитый океан находится на севере». Пункт второй — «Слоны живут в Африке».

Когда же я задал ему свой коронный вопрос: «Канье государства находятся на острове Гавана?», бой был прекращен за явным преимуществом.

— Ты прямо великий ученый! — удивился семиклассник.

Я стоял, потупив взор, и стучал пальочкой по водосточной трубе: я знал, что великий ученый должен быть скромным.

Ко мне подошел Мишка и негромко сказал: — Молодец! Хочешь, заступаться буду? Еще бы я не хотел!

Заступаться за меня Мишке пришлось на следующий день.

На пустырь, где мы играли с ребятами, совершил разбойничий набег чатаман Герка-Комар с соседнего двора. Комариная банда подкралась незаметно и кинула на нас, для лучшего устранения крича не «ура!», а «банзай!». Мы в страхе бежали. Но в руках противника остались только самые дорогие вещицы: самодельная из двух подлинников, ценность которого значительно увеличивала приделанная к рулю красноармейская пуговица.

Когда я сооразил, что произошло, и с рвом бросился назад. Но Комар уже был с своим старшим в парашюте вышочной горы, в которой мы знойно катались на санях. Мишка даже на лыжах. (Правда, когда недалеко я опять побывал в этих местах, гора показалась мне обыкновенным бугром.)

Итак, я стоял под горой и ревел. Комар дрыгал своими длинными ногами, взбарахкал, как будто катался на моем самокате, а его приспешники кидали в меня монетами и подальскими возгласами прославляли своего предводителя.

Жесть! Когда же настало предатель, стронл мне рожом, приплясывал и противным голосом напевал:

— Самокатик у-ле-тел.

— А от ветки по-па-де-т!

Но ядрот Котра замолчал, и я сквозь слезы увидел к нам подходит Мишка. Он остановился рядом со мной и крикнул Комару:

— А ну, гони самокат!

— Ха-ха! — ответил Комар, оглушившись на прителей. — Это военный трофей.

— Ты не отдашь! — спросила Мишка.

— А что это в тебе его отдашь!

— Комар знает, с кем имеет дело, — он асестки не решился прямо сказать «нет».

— Тогда выходи один на один, — сказал Мишка.

— Ну и выйду! — крикнул он.

— Мы замерли в ожидании внятного момента. Они остановились в метре друг от друга.

— Ну! — сказал Мишка. — До первой крови или до первых слез!

Комар колебался. Выбор не сулил ему ничего хорошего. Драться с Мишкой до первых слез было безнадёжно: он никогда не плакал. Кровавое лицо, видно, тоже не очень-то прельщало Комара.

— Ну! — повторил Мишка.

— А чего ты чиришь, чего ты выкаешь! — затыкнул Комар. — Чего это мне вы-

бирать? Я, может, вообще никогда первый не лезу. Что я, буржуа? Я, может, Советский Союз...

— Никакой ты не Советский Союз! — крикнул я. — К маленюким так всегда приставеш! Что, струсишь!

— Не трусь! — крикнул! Может, я не хочу на бокс, может, я хочу на вальчку...

— Это было явно не по правилам. На вальчку совсем не больно, на вальчку у нас и товарищи боролись. А стыкались всегда на бокс. Ну Комар не хотел проливать ни крова, ни слез.

— Он взял крест-накрест. Кто-то из ребят сказал «три» — «четыре», и борьба началась. У Комара были длинные ноги и длинные руки. Мишка только и оставалось, что нагнущусь, взять в измаки Комариные колени. Зато Комар обхватил Мишку сверху. В таком положении они топтались по пустырю, согна и поднимая жалтую пыль.

— Ну, что, взял! — время от времени бормотал Комар.

Но минуты шли, а положение не менялось. Комар начал нервничать. Несколько раз он предпринял нички. Но Мишка молчал.

— Думаешь, победишь, да? — уже довольно жалким голосом тынул Комар. — Вам уж сколько боремся, а кто все время сверху?

Но тут случилось неожиданное: Мишка сел, просто сел, и потерявший равновесие Комар с шумом полетел вверх тормяками через его голову. С минуту спустя Мишка уже сидел на нем.

Соборники Комара пережили великий позор. Им пришлось всем по очереди удостовериться, что обе лопатки их предводителя плотно прижаты к земле.

Тогда только Мишка встал, небрежно бросив кому-то из смущенных противников:

— Тащи самокат!

С тех пор меня никто не трогал. Теперь я повсюду бегал с Мишкой, даже на Москву-реку. Мишка мне плавать по-морскому и сажениками. Он кричал:

— Бросайся сразу! Не дрейфи!

И я бросался сразу. Я очень боялся воды, но еще больше боялся Мишкиного презрения. Мы нырялись, и загорали, я снимал в футбол, и уставляли на пустырь группы Сахару, и радовался, что лето такое жаркое. Мы еще не знали, что это — первое лето войны.

Сорок первый год раскололся на середине. И недели не прошло, как самыми важными в жизни стали трагические слова: «сводка», «повестка», «фронт»...

Мы с ребятами вскладчину купили подробную карту и натянули вдоль линии фронта два ряда флажков — наши и фашистские. На главном нашем флажке вывели звезду и воткнули туда, где Москва. А на главном фашистском нарисовали страшную рожу со свастикой на носу и воткнули эту рожу в Берлин. Хранилась карта у Мишки, но передвигать флажки разрешалось только мне. Это была несвободная работа: черные флажки наступали. Тогда мы с Мишкой раздольили и воткнули флажок со звездой прямо в Берлин, а нос со свастикой. Все равно наши победили!

Когда в «Июньерке» написали про капитана Гастелло, Мишка вырезал его фотографию и всегда носил в кармане куртки.

— Однанджи он спросил меня:

— Деньги есть?

— Есть рубль и сорок пять копеек.

— Мало, — сказал Мишка. — Мне рубль двадцать надо.

— Мишка, — сказал я, — а зачем тебе деньги?

— Надо. До фронта добраться. Напиши-ка, через какие города ехать.

Я спросил:

— Мишка, ты будешь летчиком, да?

— Со вдалоку ответил:

— Не летчика учиться надо. Целый год, а то и больше. Пока пойду в разведку. Туда маленьких, знаешь, как берут, только давай Имя в партизаны.

Я отдал Мишке рубль, отдал сорок пять копеек и написал на бумажке названия городов: Можайск, Смоленск, Орша... Хотел написать Москву, но вспомнил, что он уже знает немцами.

Через два дня Мишка исчез. Узнав об этом, тата целую неделю скучным голосом говорила, что в эти суровые дни долг сознатель-

ного советского мальчика — не огорчать старших, что работ на фронт ни в коем случае не беру, а Мишку наверняка привезут домой с первой же стащи.

Но я-то знал, что Мишка попадет на фронт. И в самом деле, через месяц тата Нрасте пришла письмо. Мишка писал, что закончил на довольствие, находится пока во втором зенитном, но все равно станет разведчиком или партизаном. Обратного адреса не было: видно, Мишка боялся, что тата Нрасте напишет командиру, чтобы Мишку отослали домой.

А жизнь в нашем доме шла своим чередом. Взрослые, кто не ушел в армию, работали до позднего, и мы свободно бегали на салку и на Москву-реку. Когда объявляли тревогу, мы прятались в щели, а потом и не прятались: привыкли. По-прежнему мы играли на пустыре, но теперь уже не в салочки, не в казани-разбойники — только в войну.

А если кто-нибудь из ребят послышал лез к маленюким или вообще творил аську несправедливости, мы فورили: — Вот погоди, вернется Мишка...

— Но Мишка не вернулся.

— Как-то утром я услышал во дворе:

— А Насте-то, двоюничке, на мальчишку похоронная пришла...

Я бросился в крайней подъезд. У тетинской комнаты шушукались соседи, передавая из рук в руки серый листок. Одна из них удаливо сказала:

— Малец ведь был, а написано «смертью храбрых».

А я не удавливался. Я всегда знал, что другой смертью Мишка умереть не мог. Я шел вдоль дома, царапая палькой стену, и говорил встречным ребятам:

— А Мишку убийли...

— И ребята отвечали:

— Ну да! Врешь!

— Не веришь, пойди почитай, — говорил я. — «Смертью храбрых!»

Я не очень гонялся тогда. Я почему-то представлял себе, как гордится бы Мишка, услышав свое имя рядом со взрослым военным именем «похоронная». Хотя бы в этом он сравнялся с капитаном Гастелло: ведь и тата герою-летчику, наверное, тоже получила похоронную.

А после, через месяцы и через годы, я много думал о Мишке. Я хотел стать замом, а то. Конечно, мне это не удалось. Но, честное слово, я очень старался. Я не плакал в драках. Я всегда заступался за слабых. Я стремился жить честно. А смерть признавал только одну — смерть храбрых.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

В СОВХОЗЕ «КОМСОМОЛЬСКИЙ»

Фотоочерк А. Скуркина.

Шесть лет назад в эту алтайскую степь, тогда еще пустую и дикую, пришел отряд новоселов. Поднялись первые палатки и домины. Целинную землю прорезала первая глубокая борозда...

Шесть лет не стало уж большой сром. Но в нашей стране каждый год — это год небывалых свершений. Межузавоево преобразилась степь. Вырос и окреп зерносовхоз, и так как люди, пришедшие сюда первыми, были посланцами комсомола, его назвали «Комсомольским».

Каждую осень золотым потоном уходит отсюда на элеваторы драгоценное зерно. За шесть лет «Комсомольский» сдал Родине миллионы пудов янтарной пшеницы.

Хозяйство совхоза оснащено прекрасной техникой: комбайнами, жатками, автомашинами... Вокруг центральной усадьбы раскинулись сады — тридцать гектаров фруктовых деревьев, малины, смородины. На соседнем дворе «Комсомольского» — 1 800 голов скота, на птицеводстве — 10 тысяч кур...

Первыми в стране молодые хозяева совхоза применили новый, оригинальный метод возведения теплых зимних помещений для скота и птицы. Одно такое помещение, предназначенное для бесприлюдного содержания ста коров, собирается в три дня и обходится всего лишь в 34 тысячи рублей. Сейчас новый метод широко применяется в колхозах и совхозах Алтай, Сибири и Казахстана.

На полях, на фермах трудятся отменные парни и девушки. Это они своими руками создали все, чем гордится сегодня «Комсомольский». С уважением говорят хлеборобы о Тамаре Панченко, Анне Зигель, Иване Баллардте, Нине Алексеевну, Ирине Граф... Самоотверженным трудом они показывают пример всей молодежи совхоза.

Готовясь достойно встретить Пленум ЦК КПСС, хлеборобы «Комсомольского» обязались в сжатые сроки сдать государству полный миллион пудов зерна.

Алтайский край,
Пановский район,
совхоз «Комсомольский».

Валентина Рычнина — ветеран «Комсомольского». Она бесценно руководит созданной ею библиотекой. В совхозе всегда можно познакомиться с новинками художественной литературы, почтать свежие газеты и журналы.

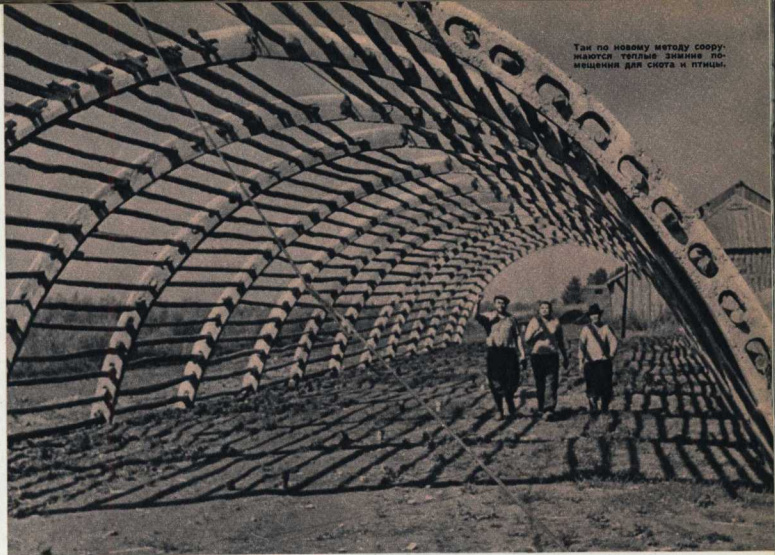
— Вот она, наша алтайская пшеница! — говорит комбайнер Иван Баллардт.

Анна Лимбах собрала сотни килограммов алтайской пшеницы.

Будущие мастера высоких урожаев начали овладевать основами наук...

Теп по новому методу соорудились теплицы для выращивания для скота и птицы.

Главный агроном совхоза Геннадий Семенович Душечкин доволен: получен хороший урожай кукурузы — по 300 центнеров зеленой массы с каждого из семист гектаров!

Эльза Фрэнк руководит школьным звеном, которое работает на птицеферме. Помогал взрослым, ученики вырастили в этом году три тысячи цыплят.

В колхоз имени партизана Заболотного, Усть-Алданского района, Якутской АССР, приехал танцевальный коллектив районного Дома культуры.
Фото М. Муразова.

СОЩЕСТВУЕТ ЛИ СУДЬБА?

«Я все чаще и чаще задаюсь вопросом: как эти вопросы», — пишет редакция «Смены» молодой агроном Надежда Шитникова, — «не прочтительно принимают участие канонические естественные силы? Помогите мне разобраться в этом».

По просьбе редакции Н. Шитникова становится сотрудником Института философии Академии наук СССР М. П. Галочка.

Ваше письмо, дорогая Надежда, заставляет задуматься. Задуматься о вашей жизни, о жизни ваших друзей. Хочется поговорить по душам, помочь вам понять ваше заблуждение. Вы, Надежда, окончили в свое время десятилетку, поступили в сельскохозяйственный институт. Это не вымало у вас мысли о какой-либо таинственной силе судьбы. Все было естественно, ясно: ведь вы мечтали об институте давно, уговорились с экзаменами. И казалось нелепым, что кое-кто из подружек говорит о том, что вам «суждено» было стать инженером «с детства».

Вы стали агрономом. И именно теперь, когда в вашей жизни есть самое главное — интересная, хотя, может, и нелегкая работа, открывающая возможность для творческих свершений, есть знания, которые можно применить на пользу людям — вы почему-то вдруг начали задумываться: а не руководит ли вашу жизнь какую-то сверхъестественные силы, таинственная, непознаваемая судьба? Невольно подумаете: что такое стрелосуд? Какие трудности, какая беда придалась бы и каково отдале люди, воспользовавшись этим, напештывают вам о неуловимом «персте судьбы»?

Суеверия, подобные вере в судьбу, как и открыто религиозные идеи, не могут овладеть человеком, который живет творческой жизнью, активно участвует в общественной работе. И скорее всего именно там, где огонь лампады тлеет за наглухо закрытыми ставнями, отгораживающими человека от большой жизни, где люди не знают толком, что такое спутник и космическая ракета, не интересуются тайной Тунгусского метеорита, не читают Маяковского и не радуются тому, что скоро запущены волны Братского моря, — именно там могли напештать вам, Надежда, о сверхъестественном...

Очевидно, тот факт, что вы стали агрономом, остался для вас быденным, лишним атрибутом. Конечно, для нас это обычно.

Человек захотел стать специалистом. И если он действительно серьезно этого захотел, если любит землю и книгу, умеет заставить себя отложить на время развлечения, когда нужно читать труды экзаменующихся, дождаться до призыва, почему не удается задуманный эксперимент на опытной учатке, он обязательно добьется своего. В этом, как и во многом другом, ставшем таким обычным для нас, проявляются те великие исторические изменения, которые совершаются в жизни миллионов людей: осуществление права на труд, на образование. Мы уверены в завтрашнем дне, в успешном осуществлении плана построения самого совершенного и справедливого общества на земле — коммунизма. Это неотъемлемые, ладящиеся стороны нашего бытия. Их мы и видим в виду, когда говорим, что советский человек стал хозяином своей судьбы.

Вся история развития человеческой мысли, героическая, подчас мучительная борьба народа, разум против религии, против мракобесия, мистики, невежества побуждает исследовать и вразумлять суеверий, всякой веры в сверхъестественное. Марксистская наука полностью объясняет исторические причины появления античных взглядов, в частности, веры в судьбу.

Первоначальный человек был подавлен трудом и страхом. Он мог умереть с голоду, не сумев добыть пищу, мог погибнуть на охоте и т. д. Он не понимал грозных стихийных сил природы, вызывающих суеверный страх у людей. В классовом эксплуататорском обществе люди постоянно испытывали гнет враждебных им социальных сил. Трудовой человек не

знал, что ожидает его завтра: разорение, голод, гибель на войне за чуждые интересы...

Так возникла вера в неотвратимость, неизбежность судьбы, якобы заранее predetermined. Вспомните старые поговорки: «От судьбы не уйдешь», «Чему быть, того не миновать», «Суждено и конем не обехать».

Иногда человек утверждает, что он суеверен, но не религиозен, то есть не верит в бога. Давайте разберемся, так ли это. Нетрудно заметить, что вера в судьбу, вырастающая из невежества и бессилия людей, составляет неотъемлемую сторону религиозного мировоззрения. Тот, кто верит в судьбу, рано или поздно становится религиозным. Церковь учит о божественном «прорисовке». Православные проповедники утверждают, например, что «ни один шаг в жизни человека не совершается без воли божьей». Мусульманская религия включает верующим, что «люди могут хотеть только то, чего хочет бог, и т. п.

Как видите, вера в судьбу — это тоже выражение антинаучного взгляда на мир, предрассудок, суеверие. С верой в судьбу связаны и гадания, приметы. Это и понятно: раз человек верит, что все в нашей жизни определяется какими-то мистическими силами, то и узнать о будущем можно, дескать, только при помощи «таинственных» приемов. Так суеверные люди становятся жертвой различных шарлатанов и «предсказателей».

Вы, Надежда, пишете, что вас смущает частое употребление в разговорах неверующих людей и даже в печати слова «судьба». Действительно, это слово как образное выражение существует в нашем языке. Говоря о судьбе человека, мы имеем в виду его жизненный путь, считая, что будущее человека определяется во многом тем, каков он, как он воспитан, образован, каково его отношение к людям, к общественному долгу. В печати чаще встречается выражение: «Судьба капитализма предрешена». Это означает, что уже в самом капитализме заложены причины его неминуемой гибели, что развитие внутренних противоречий в любой капиталистической стране, развитие классовых борьбы пролетариата рано или поздно приведет к социалистической революции. Как видите, и здесь судьба — лишь образное выражение, обозначающее реальные процессы жизни. Так же мы говорим о счастливой судьбе советской молодежи, зная, что ей открыта широкая дорога творческого подъема, что она будет жить в обществе свободной воли.

А вот другой пример образного употребления этого слова — в замечательном рассказе М. Шолохова «Судьба человека». Судьба Андрея Соколова... Что это, рассказ о том, как какие-то сверхъестественные силы определяют жизненный путь Андрея? Нет, конечно. Это рассказ о сильном и мужественном человеке, патриоте и труженике, который не теряет человеческого достоинства, чести даже в самых трудных, подчас невеселых условиях.

Обстоятельства могут складываться по-разному: иногда удачно, а иногда даже трагически. Но всегда можно найти конкретные причины любого непредвиденного, случайного события. Очень многое зависит от воли, настойчивости, сознательности людей.

Человек, верящий в судьбу, воспитывающийся в семье и обществе, не может быть творческой личностью, активным борцом за коммунизм. Если в дом пришла даже небольшая беда, у него опускаются руки, он все время сетует на «невежество, «судьбу». А религия, проповедующая бессилие, беспомощность человека перед лицом

«всемогущего» бога, подавляет активность людей. Характерны в этом отношении слова одного из гимнов секты баптистов, обращенные к женщине: «Мы слабые создания и немощей полны, мы добрые желания исполнить не способны».

Мы отвергаем суеверия, религию, потому что они обезоруживают человека в его борьбе с трудностями, воспитывают пассивное отношение к жизни, мешают строить действительное, истинное счастье.

«Составить судьбу» — это не клад, который открывают только «везучие» люди. Счастье — это прежде всего любовь к труду, умение жить не только ради себя, не только своими личными интересами. Разве вас, Надежда, не увлекают большие дела молодежи, мечтающей жить и работать по-коммунистически? Это и есть забота о том, как стать настоящим хозяином судьбы, трудом приблизить будущее, приблизить коммунизм. Вы пишете, что вас окружают люди, часто говорящие о судьбе. Но разве об этом говорят на комсомольских собраниях? Разве об этом думают, кто тамнется к знаниям, кто радуется общим успехам, видя в них и частичку своего труда? И кому, как не вам, агроному, интеллигентному, образованному человеку, были самым активным борцом с суевериями и предрассудками? Ведь интеллигентная биология, которую вы изучали, является замечательным оружием борьбы против религии, против всех форм суеверий. Девиз Милурина еще жаль мистический «от природы», то есть не пассивно пользоваться дарами природы, а самим изменять природные формы растений и животных, вы изучали, является замечательным оружием борьбы против религии, против всех форм суеверий. Девиз Милурина еще жаль мистический «от природы», то есть не пассивно пользоваться дарами природы, а самим изменять природные формы растений и животных, вы изучали, является замечательным оружием борьбы против религии, против всех форм суеверий.

Вы, Надежда, конечно, правильно поступили, написав о своих сомнениях. Но не думайте, что можно в Москве «объяснить» вам все, что касается вашей жизни и работы. Больше советуйтесь со старшими товарищами — коммуняками, с комсомольцами, которые трудятся рядом с вами. Больше старайтесь узнать о своем колхозе, его истории, перспективах развития. И вам откроется много интересного в том, что казалось раньше быденным и не привлекало внимания.

Вот, к примеру, работаете вы в колхозе имени Калинина. А знаете ли вы, что стойкий революционер, человек большого сердца Михаил Иванович Калинин не раз вел с молодыми острейшие разговоры о смысле жизни, романтике будничных дел, о счастье? Хочется в заключение привести его слова: «Никакая вера, никакая религия, никакое иноу увлечение и порыв не могут дать человеку столько энергии, сколько дает сознание того, что твой работа полезна не только для тебя, а и для всего народа. Это сознание заменяет тысячу богв, начиная с неавропостного и кончая магоматанским. Оно невероятно увеличивает силы и дает возможность легче переносить невзгоды; оно увеличивает производительность труда и поднимает культуру. В этом отношении мы занимаем в мире исключительное положение. Я прямо скажу — мы счастливы!»

Итак, Надежда, никакой таинственной судьбы, никаких сверхъестественных сил, стощихся за грешками и определяющих участь человека, не существует. То, как складывается жизненный путь каждого, или, образно выражаясь, судьба, зависит прежде всего от общественного строя, в котором живет человек, а также от воли самого человека, от его сознательности и инициативы.

М. ГАЛОЧКА

ГОД
БОЛЬШИХ
НАЧИНАНИЙ

Учиться — всем!

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ...

За широким столом, покрытым красным сукном, сидят пятеро. Шестой, ради которого они собрались, Коля Дорожин, широкоплечий парень лет восемнадцати, переминившись с ноги на ногу, нервничает.

Комсорг фасоннолитейного цеха Виктор Дубынин говорит не спеша, убедительно:

— Что же это, друг? Сплошные двойки по литературе. Любому другому поверили бы, что не дается. А ты в драмкружок первый актер, Гамлета играешь! Должен бы литературу любить. Ленишься, что ли? — И не требоване, а просьба звучит в последнем коротком слове: — Объясни...

Николай с минуту молчит.

— Кое-чего и вправду не понимаю, ребята. Да не в этом беда! — И вдруг прорвалось небовавшее: — Я работаю и учусь, а негодя получается, будто никому до этого дела нет. Да вы и сами все знаете... Как последнюю двойку получил? Предложил мастер на часик — другой после смены остается: задание срочное. Я — про школу, а он: что толку от твоего образования! Аттестат в рамке кочешь на стенку повесить! А здесь и деньги и практика... — Николай обвел глазами товарищей, негромко признался: — Мне как раз тогда деньги были нужны. Не пошел на урок. А на следующую день меня, как назло, вызвали отвечать...

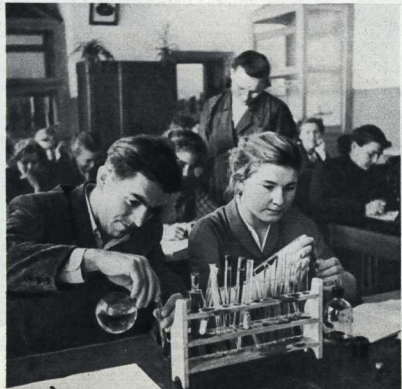
— Эх, Коля! — стремительно поднялась Нина Цурничник, машинист электромостового крана. — Деньги были нужны! А культура и знания тебе не нужны!

— Нина права! — сказал Виктор. — Только Николай тоже верно сказал. Надо нам, комсомольцам, позаботиться, чтобы ничто не мешало учебе!

Комсомольцы долго советовались. Потом все пошло в партию. Побывали и у директора.

— За семилетку наш комбинат должен стать образцовым по автоматизации и комплексной механизации производства, — возмущенно говорил Петр Гриценко, секретарь комитета ВЛКСМ. — Без увеличения числа рабочих необходимо повысить производительность труда на восемьдесят процентов! Как же овладеть новой техникой без образования! Надо, чтобы все учились!

В школе рабочей молодежи идут занятия... Электрник Константин Аверьянов и мотористка Зинаида Егорова выполняют лабораторные задания по химии.

— Планы у нас действительно грандиозные! — поддержал секретаря директор комбината Н. Ф. Воронов. — Теперь все дело в грамотных, знающих людях. Давайте подумаем вместе, как помочь ребятам лучше учиться...

И вот появился не совсем обычный приказ. Теперь высший разряд мог получить только рабочий, имеющий среднее образование. Хочешь повысить разряд — переходи в следующий класс! Члены комитета комсомола вместе с комсоргами и начальниками цехов по-дружски беседовали с молодыми рабочими, советовали, куда лучше пойти учиться.

На совещаниях у директора начальники цехов докладывали теперь не только о выполнении плана, но и о том, как рабочие учатся. Специальные комиссии содействия школе, выбираемые молодежью, стали признанными помощниками командиров производства. Каждого учащегося члены комиссии звали под постоянный контроль.

«С ТОКАРЕЯ ИНЖЕНЕРСКИЙ ДИПЛОМ СПРОСИМ!»

— Красный угол механического цеха, не уступающий по размерам номер клубному залу, переполнен. Над сценой — большой плакат: Каждый трудящийся должен учиться, Каждый учащийся должен трудиться!

Александр Смоленцев, комсорг цеха, рассказывает, выйдя из-за стола президиума:

— Знаете, был со мной лет семь назад такой случай. Как-то раз

инженеру в слесарке нужно было радиус круга измерить. Круг большой, в диаметре метров пять. Инженер усмехнулся: «Ни к чему! Вынул толугрифметрическую линейку, поскользнулся два секунды — ответ готов. А сколько возни было бы с рулеткой, да и точность не та! Я месяца полтора потом думал, как инженер это сделал. Вот тогда и решил: во что бы то ни стало учиться! Нельзя без этого! Возлюбленно рассказываю рабочие и инженеры о настоящем и будущем своих цехов. Сколько появилось на комбинате новых приборщиков, поскользнулся через несколько лет!

Кто-то подумал вслух: — Придет время — с токарей да слесарей инженерский диплом будем спрашивать. Век автоматизи!

Этот год стал для рабочих Магнитогорского комбината началом двух семилеток: профком утвердил перспективный план повышения образовательных и научно-технических знаний. За семь лет вдвое больше станет на комбинате рабочих со средним образованием. На вечерних и заочных отделениях институтов и техникумов будут обучаться три тысячи человек — а два раза больше, чем сейчас, а техническую учебу по повышению квалификации пройдут все работники предприятия.

На комсомольском активе было принято обращение ко всем комсомольцам и молодежи Магнитогорска. Запелась походка по повышению знаний назвали:

Для комсомольских организаций нет более почетного дела!

РУКИ ДРУЗЕЙ

— «Отгляните вокруг себя», — читала обращение своим подругам, замигавшие механического цеха Лида Малова — присягнула к своим товарищам на работе и дома; кто где учится, чем живет, какова цель его жизни. Возбудите в них желание учиться — и вы станете участниками большого дела. Если каждый привлечет в школу еще двух, это будет замечательным претворением в жизнь лозунга: один плюс два — миллионы учащихся школ рабочей молодежи.

Лида почувствовала: много можно сделать, если хорошо взяться за пропаганду образования. Она долго говорила с подругами: Лидой Сорочинной, Валей Жуковой, Машей Барышниковой. И девушки занесли учиться.

Александр Смоленцев, комсорг механического, вместе с бригадиром допоздна засиделся в комитета молодых рабочих. По совету комсорга решил подать заявление в институт один из лучших токарей комбината, Петр Салата. Поступил в десятый класс Ромы Харфинов, азы комсомольские путевки в школы десятка людей.

Прямо в кинтернатах — так называют в Магнитогорске молодежные общежития — организовали занятия по программам четвертого, пятого, шестого и седьмого классов. Теперь уже никто не пожалуется, что в цехе не знают, учиться он или нет.

Сейчас в механическом цехе триста учащихся, из них двести сели за парты в этом году, — говорит Александр Смоленцев.

De Von Smith — ЧЕМПИОН «МАЙК»

Когда мы ехали с ним в радиочасе, проехав отглядываясь, улыбались. Толпа мальчишек сопровождала нас до самых дверей «Снежики». Причиной этому был слуггин, а точнее — его призрачный жестокое с бок отдели. На груди красовались гербы одиннадцати городов мира вперемежку с массой всевозможных значков. На спине была вышита броская надпись на английском языке: «Чемпион мира, сити Хайнер».

Мы подумали, что Китч Хайнер — имя нашего отца. Нет! Его зовут Де Вон Смит.

— Я не знаю, откуда взялось мое французское имя, — говорит Де Вон Смит. — Ведь у меня в роду ни одного француза. Зато моя фамилия типично американская: Смит.

Смит живет в Лос-Анжелесе. Ему 40 лет.

— Я работаю на автомобильном заводе компании «Дженерал моторс», — рассказывает Смит. — Стою у конвейера, прикручиваю колеса. Молодежь, по совету меня и потянуло путешествовать.

Кто через ручку Сити прохитит огромные суммы прекрасных автомобилей, сам он путешествует пешком, чернее, слободит «хитч хайна». Ничего сложного и таинственного в этом слободит нет: человек выходит на дорогу, доворачивает руку, указывая большим пальцем левуюе направление, и идет среднее большого пальца. Большой палец потрещивался «хитч хайнерам» для того, чтобы обозначить себя, как «путешествующих без денег». Словом, чтобы водитель знал: тут не заработаешь — я был двенадцать отнюдь не материальными соображениями. Обычно таких водителей оштрафовали немало, иначе Де Вон Смит не смог бы попасть из Лос-Анжелеса в Москву.

Конечно, этот вид туризма родился не среди людей инужих. На спине Сити написаны слободит: «Большой палец — будешь путешествовать». Разумеется, приходится только на это: ведь большой палец обычно есть у всех.

«Каждый должен учиться — это непрелюный пункт в обязательствах бригад, борющихся за звание коллектива коммунистического труда». Вот маршмарк, бригады мастера А. А. Мистковска с третьей домной печи. Сам Алексей Алексеевич учится на пятом курсе вечернего отделения Горнометаллургического института. За плечами у него школа раннего обучения, школа мастеров, два курса университета марксистско-ленинского. Газовщик Иван Лычек — студент техникума. Машианист вагон-весов Николай Косарев поступает на заочное отделение института. Слесарь Василий Танаяев — десятиклассник. Горновой Ушаков и машианист вагон-весов Шметов учатся в школе мастеров.

— Я путешествую уже десятый год, — продолжает Смит. Работа у меня есть только в зимние месяцы, а так как я инужин, один уезд, а так как я инужин, один уезд, а так как я инужин, один уезд. И вместо того, чтобы смотреть на закрытые ворота заводов, я путешествую. Так, яна попутных», я прошел уже 160 тысяч миль, и меня объявили в газетах и по телевидению чемпионом мира по «хитч хайну». Я проехал на 23 тысячах легковых и грузовых машинах, и ни одной аварии, ни одного несчастного случая. Везет! И вот прошлой зимой мне в Голливуде пришла замечательная идея...

Смит знал, что США есть несколько городов и городов, которые называются так же, как некоторые европейские столицы, крупные промышленные центры и порты. Есть в Америке Лондон и Мадрид, Мемфис и Париж, Рим, Вена, Берлин и в северо-западном штате Айдахо есть Москва. Смит решил пройти через все эти города, взять у мэров письма и доставить их европейским «корреспондентам». 11 мая 1959 года Де Вон Смит отправился в путь.

Всего я собрал по Америке сорон два письма. Правда, в некоторых городах я не смог написать в Амстердам, например, от мэра Америки Амстердама и от мэра Нью-Йорка.

— Нью-Йорка? — Конечно. Ведь Нью-Йорк назывался прежде время Нью-Амстердамом.

Смит продолжает свой рассказ и вдруг перебивает себя:

— Сяду честно, особенно мне хотелось попасть в Москву. По многим причинам! Но главным образом потому, что я никогда не был в Советском Союзе, а слышал так много противоречивых мнений и так много великой чуши читал в газетах. Например, у нас писали, что в Москве уже за полсотни шагуго, не успеют готовить ни чай, ни кофе. А я в первый же день в маленькой комнате увидел такого инужного кофе, которое не сразу найдешь в крупнейших американ-

ских ресторанах. Это молочно-кофе, которое показательно. Мне говорили, что невозможно получить визу на въезд в СССР, а я ее сразу получил. Ругали язу столбу, а я увидел самый чистый и благоустроенный город из всех, по которым я прошел. Метро — это просто сказка! Советские люди хорошо одеты, много читают. Нигде в мире не увидишь столько людей, читающих книги в поезде, метро, троллейбусе, в самолетах и на бульварах. Советские люди очень гостеприимны. Многие приветствуют меня, подходят на улице. Я увидел, как много молодых русских владеют английским языком. Короче говоря, у меня открылись глаза.

— Ну, а как дела с письмом мэра американского Москвы? — О! Я был в вашем Моссевоте. Меня хорошо приняли и обещали прислать мне ответное письмо, которое я вручу нашему мэру.

А о чем было письмо американских москвичей?

— У меня есть копия его. Вот она:

«Уважаемый мэр! Нинита Моски из штата Айдахо передает свой сердечный привет жителям русской Москвы». В нашем городе я написал 100 писем.

Так началось письмо. В нем кратко рассказывалось о городе, о людях, о достопримечательностях, центром которых является американская Москва. И в конце столбу было бы необходимо счастливым установить знакомство с жителями русской Москвы.

С. Л. Люис, мэр, 29 июня 1959 г.

— Мне еще осталось пройти несколько городов в Европе, — говорит Смит. — Но я считаю, что главное уже сделано: я был в Москве. Правда, пока я не получил ответного обязательства. — вдруг грустно сказал Де Вон.

— Вы так забеспокоились, что я не был в Лос-Анжелесе, когда туда приехал Нинита Хру-

шев, а мне так хотелось приветствовать его. Вера я получил письмо от своего приятеля, в котором он пишет: «Можешь заехать ко мне всю жизнь! Я видел и приветствовал Хрущева!»

Смит помахал, а потом серьезно заметил:

— Мы все, и большие и маленькие люди, должны сделать все, чтобы не нарушался мир. Хрушев и Эйзенгауэр могут, конечно, большие сделать, но и мы не должны сидеть сложа руки... Как вы считаете? Смит ушел поздно. И, прощаясь, мы ему пожелали:

— В добрый путь, Де Вон Смит!

Конст. ВИШНЕВЕЦКИЙ

— Сейчас иначе нельзя, — убежденно говорит Лисенков. — В 1942 году в моем распоряжении было всего десятка полтора приборов, а сейчас уже за полсотни шагуго.

Недостаточно привлечь в школу рабочего, надо помочь окончить ее. Директор одной из школ Владимира Васильевич Жабин рассказывает:

— педагогической раски зрения, комсорги заменяют наших ученикам родителей, а товарищи по работе — остальных членов семьи. Комсоргам мы сообщаем о неуспевающих, и комсомольцы приходят на помощь. Как-то мне принесли записку от Вити Токарева, коротенькую и грустную: «Владимир Васильевич, я заболел. Выбуди из больницы, наверное, через месяц. Постарайся до-

гнать». Витя не просил товарищей зайти, но уже на следующий день в палату явились друзья-комсомольцы. Это был не просто визит — они регулярно помогали Вите. А ведь только тот, кто совмещал работу с учебой, знает, как дорог в этом случае каждый час...

Дважды в день звонок зовет на первый урок рабочих Магнитки. Утром — тех, кто трудится в вечерних и ночных сменах, вечером — работающих в дневных сменах. Из школьных предметов два особенно любимых — русский и математика. Один называется «Основы производства», он знакомит с планированием, экономикой и основными технологическими операциями в металлургии. Другой соответствует

специальности молодого рабочего: для слесарей — это слесарное дело, для электриков — электротехника. Школа тесно связана с комбинатом, с его культурой, трудовой жизнью. Преподаватели бывают в цехах, проводят здесь полблизнеды, занятия с отстающими, в порой и ко-чему-чужа у своих же учеников. Что же, это тоже идет на пользу!

Заметно возрос за последнее время культурный и технический уровень молодых рабочих. Убыльщины повлеклись разряды, значительно выросли заработки. Знания помогают трудиться творчески, с огоньком. И не случайно за последний год на комбинате число молодых рационализаторов увеличилось вдвое!

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

КРОВЬ

Вот оно, изуверское лицо католицизма!

Позолоченную колесницу с многопудовой статуей Мадонны сопровождает вооруженная охрана.

Носильщики устали... За свой изнурительный труд они получают всего несколько песет.

и ПОЗОЛОТА

Фото и текст Винченцо РоссИ.

Более двух десятилетий томится Испания под игмом франкистского режима. Нищета и голод, тюрьмы, переполненные Борями за свободу, неограниченная власть аристократической знати и грубой авантюры — такова Испания сегодня.

Оплотом и верным прислужником диктатуры Франко является католическая церковь. Вышему духовенству нет никакого дела до страданий народа. Оно равнодушно пропускает мимо ушей сетования своей покорной паствы и совершенно не реагирует на «красноцветные» протесты священников бедных приходов, требующих проводить более справедливую и человеческую политику. Многие из таких прогрессивно настроенных священников

мищаются сана. До сих пор «святые отцы» питают лютую ненависть к тем служителям церкви, которые в годы гражданской войны находились в рядах республиканцев, сражались против фашизма в стране басков и в Каталонии.

Католическая церковь, завоевавшая печальную известность своим мракобесием и консерватизмом, пытается взять под контроль «душу» каждого своего прихожанина, его сокровенные мысли. Все, что имеет хотя бы косвенное отношение к культуре, к общественной жизни, к человеческому прогрессу, тотчас же объявляется современными инквизиторами «порожждением дьявола». Характерно, что вопросы просвещения и воспитания, особенно молодого поколения, ведет сейчас в Испании церковь. И вот результат: почти половина населения страны не умеет читать и писать.

Даже ритуал церковных богослужений носит здесь мрачный, гнетущий характер. Как напоминают они времена «святейшей инквизиции», времена средневековья!

Не так давно мне довелось увидеть и сфотографировать религиозную процессию в Севилье. Я знаю, что читателям советского журнала некоторые уличные сце-

А в то самое время, как в центре Севильи двигались эта странная процессия, охраняемая войсковыми частями и полицией, на окраинах города рабочий люд жил своей обычной трудовой жизнью, прозябая в голоде и нищете. Среди покосившихся лагуч бродили одетые в жалкие лохмотья дети грузчиков, каменичников, плотников. Сюда временами доносилось заунывное пение церковников, приглушенный рокот барабанов и злоеющий гул литаний...

Прав был великий испанский художник, сказавший, что «дремлющий ум порождает чудовищ». Как иначе назовешь «духовных пастырей», которые избрали своей эмблемой инквизиторский крест!

Но победят воля и разум. Испанский народ ведет мужественную борьбу с франкистским режимом. И недалек тот час, когда над Севильей, над всей испанской землей засияет яркое солнце свободы, мира и счастья.

г. Рим, сентябрь 1959 года.

Трудно поверить, что это происходит в двадцатом веке. Мрачные фигуры в черных сутанах медленно шествуют по улице. Над ними покачивается огромный черный крест...

Не только молитвами заняты богатые синьоры во время церковных празднеств...

ны, запечатленные мною, покажутся странными и маловероятными. Но поверьте, что и я, житель Рима, был немало удивлен, глядя на огромные бронзовые фигуры Христа, плачущих мадонн и черные распятия, покачивавшиеся над многотысячной толпой. С иезуитской старательностью, граничащей с садизмом, были изображены на телах «святых» раны и язвы. Красноватый свет пылящих факелов отражался в блестящей позолоте носилок и колесниц. И эти багровые пятна очень походили на расплывшиеся капли крови.

Поклоние крови и позолота!

В век расщепления атомного ядра и полетов в космос странно видеть на улицах средневековых иезуитов в длинных черных сутанах и плащах, в остроконечных высоких колпаках, знакомых нам по бессмертным рисункам Франсиско Гойи.

Полицейские — верные прислужники церкви. Без них не обходится ни одна религиозная процессия.

Фото А. Вурдукова.

Вл. ПАШИНИН

ЗА СОТНЯМИ ПРИДУТ ТЫСЯЧИ

Н ет в нашей стране такого выдающегося спортсмена, рядом с которым не подрастает бы его ученик. Вместе с Виктором Чукариним поднимался Борис Шахлин, и звание абсолютного чемпиона мира по гимнастике перешло к нему. Известный десятиборец-легкоатлет Владимир Волков тренировал Василия Кузнецова, и тот прославил Родину своими замечательными спортивными достижениями.

«Секрет? Их у нас нет!» — отвечают советские чемпионы и рекордсмены зарубежным корреспондентам, и те подчас относятся с недоверием к этим словам: ведь спорт в капиталистических странах развивается совсем не так, как у нас. Там, в мире наших, спортсмена больше всего водушувалет карьера, бизнес.

Как, например, различные пути в большой спорт двух известных штангистов — Бергера и Минаева! На Бергера случайно обратил внимание американский тренер и делец Боб Гофман, который и взял его под свою опеку, иначе говоря, приобрел за доллары. Совсем по-другому сложилась судьба советского тяжелоатлета Евгения Минаева. Он жил в Клину, работая сварщиком на комбинате искусственного волокна. Вышея особенно не выделялся: были парни и повыше его и по-

шире в плечах. Но вот в 1952 году на комбинат пришел мастер спорта Эдуард Касябин. Новый инструктор физкультуры стал обучать молодежь гимнастическим упражнениям. Увлекался этим видом спорта и Жена Минаева. Но коренясто, несколько медлительному юноше не хватало тех качеств, которыми должен обладать настоящий гимнаст, — ловкости, грациозности движений. Молодой спортсмен этого не замечал, но тренеру было видно.

Однажды, переваливаясь какой-то ученики, Касябин нашел, казалось ему, то, что так долго и безуспешно искал: перед ним было давно известное ему изображение греческого дискобола... Мускулистый, прекрасно сложенный юноша отвел назад руку, он весь словно сжатая стальная пружина...

В тот же день Касябин сказал Минаеву:

— Пошли на стадион! Попробуем диск.

Начались тренировки в секторе для метания и на беговой дорожке. Незаметно, исподволь крепела сила молодого спортсмена. Но когда Евгений однажды шутя, без особых усилий поднял тяжелый спортивный снаряд, тренер и все, кто присутствовал при этом, поняли: перед ними не дискобол, а будущий штангист. Тяжелоатле-

тической секции на комбинате тогда не было, и организатором ее, а вскоре инструктором-общественником стал Евгений Минаев.

Ну, а если бы Минаев не по- встречался с Эдуардом Касябином или, скажем, футболисты комбината не поладили бы на своем поле Алексея Гринина, Владимира Демина и других известных мастеров кожного мяча! Неужели так и не стали бы они спортсменами и их физкультурный коллектив не увеличился бы втрое за четыре последних года? Ведь сейчас в секциях комбината занимается около 1 500 юношей и девушек!

В том-то и сила советского спорта, что он держится не на успехах отдельных «счастливицков». Не простое «везение» приводит наших юношей и девушек к пьедесталу почта. Их биографии, их успехи неразрывно связаны с жизнью всего физкультурного коллектива, предприятия.

Эдуард Касябин привил любовь к спорту на одном Евгению Минаеву. А начальник отдела труда комбината Дмитрий Федорович Агапов, уже пожилой человек, стал учителем любителей тенниса. Опытные спортсмены кропотливо учат молодых, открывают перед ними дорогу в большой спорт.

Не так давно было опублико-

вано письмо физкультурников «Иркутскволионистров» с призывом к молодежи страны устроить ряды спортсменов. «Юдин плюс два» — так называли Владимир Корольев, Александр Лылов, Владимир Яновлев и другие активисты-спортсмены. «Иркутскволионистров» свой замечательный почин. И его горячо подхватывала вся советская молодежь.

Однако призыв молодых иркутян не сводится к простой формуле «Юдин плюс два». Ведь когда за сотнями придут тысячи, не хватит никаких стадионов, никаких залов. Где же выход? А выход есть. На том же Клиновском комбинате искусственного волокна, например, силами молодежи построен легкоатлетический стадион. Но это — только начало. Юноши и девушки примут участие в строительстве стадиона на 15 тысяч зрителей! Дворца культуры с прекрасными спортивными залами.

...Пройдет немного лет, и имя штангиста Бергера будет забыто. Это произойдет тогда, когда он перестанет приносить доходы Бобу Гофману. Спортивному боссу понадобятся другие атлеты — сильные, здоровые, молодые.

А наша молодежь уверенно смотрит вперед. Спорт в нашей стране — большое, общенародное дело!

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

15 октября исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося русского поэта А. В. Кольцова.

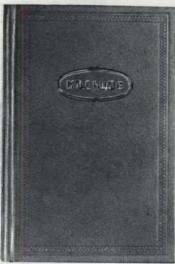
За годы Советской власти произведения Кольцова получали в нашей стране широкое распространение, они переводились на десятки языков народов СССР.

К юбилейной дате вышли новые издания стихов поэта. В частности, издательство «Советская Россия» выпустило в свет двухтомное собрание его сочинений. В первый том параллельно с известными произведениями, такими, как «Урожай», «Что ты спишь, мужик», «Косарь», «Песня пахаря», «Не шуми ты, рожь», включены стихотворения, ранее мало публиковавшиеся.

Большой интерес представляет помещенная во втором томе переписка Кольцова с литераторами, людьми искусства, общественными деятелями. Такого полного издания его писем не было с 1909 года. Они ярко рисуют образ поэта-патриота, жившего интересами прогрессивной части современного ему русского общества. В письмах высказываются, например, взгляды Кольцова на театр — поэт выступает горячим защитником сценического реализма.

В идейно-творческом развитии Кольцова огромную роль сыграл Белинский. В томе собрано тридцать писем Кольцова к великому критику.

Во второй том включены также народные песни, посланные и поговорки, записанные Кольцовым. Эта сторона деятельности поэта была мало известна до не-

давнего времени. В течение более чем семи лет Кольцов с увлечением собирал русские фольклорные произведения. Однако за исключением двух песен они не были опубликованы и считались утерянными после смерти поэта. В настоящем издании впервые помещены найденные в 1958 году в архиве Киревского песни, которые записал Кольцов. Стало известно, что поэт собирал не только деревенский фольклор, но и песни рабочих.

Новое, двухтомное издание произведений А. В. Кольцова поможет советскому читателю еще глубже ознакомиться с жизнью и творчеством народного поэта.

И. ФОМИНА

ЮНОСТЬ БОРЦОВ

Говорит Пекин... Говорит Варшава... Говорит Буапент... Когда 7 ноября звучат в эфире эти слова, влетаясь в радиопередатчу с Красной площади, особенно отчетливо ощущаешь нерушимые узы дружбы, связывающей нас с народами всех стран социалистического лагеря.

Эта дружба закалена во многих боях против общего врага. Она рождалась и здесь, в Москве, более сорока лет назад. Мы помним, например, как в 1918 году в Москву, на Красную Пресню, где формировался интернациональный полк, стекались оказавшиеся в то время в России ки-

тайцы, поляки, чехи, немцы, австрийцы, венгры, чтобы трудящиеся защищать завоевания русской революции. Этот полк был отличной школой пролетарского интернационализма.

Многие зарубежные революционеры начали бороться за счастье и свободу своей родины со штурма Зимнего, Московского восстания и гражданской войны. В борьбе за победу Великой Октябрьской революции участвовали и венгерские патриоты. Об этом повествует выпущенная недавно издательством ЦК ВКПМ на русском языке книга «Мы — молодая гвардия».

Глубоко впечатление оставляет очерк Венгерский крестьянский парень в русской революции, написанный Шандором Сикланом — бывшим бойцом Красной Армии и партизаном гражданской войны. Сиклан прошел с боями Удаль, Подольске, Среднюю Азию. Решающую роль в его жизни сыграло знакомство с одним из активнейших борцов венгерской революции — Тибором Самуэли. Кто видел кадры исторической кинохроники, посвященной перламутровому парадю 1919 года, тот наверняка запомнил молодого черноволосого человека в кожаной куртке, стоявшего рядом с Владимиром Ильичем. Это Тибор Самуэли. Он перелетел тогда через линию фронта, чтобы передать Ленину привет от граждан Венгерской Советской Республики.

Свет нашей революции пронизывает страницы книги. О животворном влиянии Великого Октября пишут и защитники венгерского рабочего движения и секретарь ЦК Венгерского коммунистического союза молодежи Янош Гостони, который отмечает: «Молодые венгерские рабочие с большим воодушевлением встретили победу социалистической революции. Пролетарское движение, развернувшееся в Венгрии под влиянием Октября, улекло за собой молодежь заводов и фабрик».

Победное шествие Октябрьской революции поддерживало лучших сынов Венгрии — коммунистов и их юную смену — в дни жесточайшего террора после поражения Венгерской Советской Рес-

публики, помогало выстоять в тяжелых условиях подпольного фашистского режима. Их не сломали ни застенки Хорти, ни гитлеровские концлагеря. В очерке «Статуя из железобетона» рассказывается о простой девушке-работнице Илоне Бати, разбившей морпехские дубинки на Чепеле. Однажды с ней случилось несчастье. Выполнив очередное задание, Илона попала под грузовой вагон. В больнице у девушки обнаружили занозы и арестовали ее. Озверевшие хортистские бандиты отпилили ей ногу. Илона скончалась в муках, но никого не выдала. Хортисты мстили ей даже мертвой. Они взорвали статую возмужавшей девушки на могиле девушки. Но память о подвиге продолжала жить, вдохновляя новых борцов.

В книге помещены воспоминания первого секретаря ЦК ВРСР Яноша Кадара «Парень шасть в молодежном рабочем движении». Вот двенадцатилетним рабочим парнем он идет по Будапешту. Его только что признал в члены коммунистического союза молодежь Яечка, пославшая няня Свердлову. Она состоит всего на трех человек. Ему дава подпольная кланка «Смуглый». «...В этот вечер круг близких мне людей за один час расширился на три человека — на трех членов ВКПМ, о которых за день до этого мне ничего не было известно. Мне казалось, что я знаком с ними раньше, и даже лучше, чем с родным братом. Я считал их смелыми самыми отважными работ, которых знал прежде. Девушки-секретарь яечки, казалась мне прекраснее самых красивых девушек, которых я когда-либо видел. Одним словом, я пошел бы ради них в огонь и воду. Они были коммунистами, и этого мне было достаточно, чтобы раскрыть перед ним свою душу. Я тоже стал коммунистом...»

Книгу «Мы — молодая гвардия», проникнутую духом интернационализма и братской дружбы народов социалистических стран, с большим интересом и чувством благодарности ее героям и авторам прочтут советские люди.

М. ИГНАТОВ

МЫСЛИ О БОЛЬШОМ И ВАЖНОМ

...Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству.

В. Белинский.

Если бы только и было суждено в жизни телом оставаться пулю, летящую в сторону Родины, то и для этого стоило родиться на свет.

Л. Леонов.

Герои пролетариата очень просты и обычны. Их героизм заключается только лишь в том, что они делают все, что нужно делать в решительный момент.

Ю. Фучик.

Нужно много жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

А. Гайдар.

Когда человек любит то дело, которым занимается, он может черпать в нем радость, удовлетворение, проявлять богатую инициативу, повышать без утомления напряженность труда.

Н. Крупская.

Праздная жизнь не может быть чистой.

А. Чехов.

Если ты не можешь правду, открыто, даже резко сказать другу все, что ты думаешь о нем, о его поступках, или выслушать от него такую же правду о себе, значит вы не верите по-настоящему другу другу, не понимаете и не уважаете друг друга.

И. Гончаров.

Дружба и чай хороши, когда они крепки и не очень сладки.

Ф. Гладков.

Трусельный друг страшнее врага, ибо врага опасаться, а на друга надеяться.

Л. Толстой.

ЭТО БУДЕТ, СБУДЕТСЯ

Слова Л. РУСАКОВА
Музыка А. КУЗНЕЦОВА

Снова росы на звездную
Ночь звезда на глянцах,
Молодую радость
Бьет сердце жаром.
Юность, Сибирская,
Светлые мечты,
Перед нами путь широк,
Вместе — я и ты.

Припев:

Это будет, сбудется
Все, о чем мечтаем,
В мир труда и радости
Мы с тобой выйдем.
Это будет, сбудется,
Друг любовью мой,
С нами счастье
С вами — всей жизнью.

Трижды ветер разносит
Имена непокорных.

Над зорет на подвиги
Молодость эдакая,
Наша песня звонкая
Над звездами летит,
И никто дороги не
Нам не протравит.

Припев:

Юности бесспорной
Решительной, глуповатой,
В горе или в радости
Быть всегда дружными будем,
Ты и я, эдакая молодость,
Нам для счастья жить,
Победить, мечтать не
Всех и любить.

Припев.

В темпе вальса

Ско-ко рос-сыль за-тру-ю, ночь за-
-мгла над пар-ка-ми, мо-ло-де-ю ра-дость бьет-ся серд-це жар-ко-е, ю-ность-и-и-и.

о-ка-я, свет-лые меч-ты, пе-ред на-ми путь ши-ро-кий, вме-сте-я и ты.

Припев а блато

Э-то бу-дет, бу-дет-ся все, о чем мечта-ем, в мир тру-да и ра-дос-ти
мы с то-бой вы-сту-па-ем. Э-то бу-дет, бу-дет-ся, друг лю-би-мый мой.

С на-ми нес-ю-ю, с на-ми сча-стье и весь шар зем-ной. / шар зем-ной.

Цена номера
2 руб.

